

Демоны зимних ночей

Автор:

Антон Леонтьев

Демоны зимних ночей

Антон Леонтьев

Ранним осенним утром 1903 года на площади у собора Святого Иоанна установили гильотину. На помост вошла прекрасная маркиза-отравительница Маргарита Вальтрау... После казни маркизы ее дочерей отдали в приют, где их пути надолго разошлись. Мари взяла к себе бездетная семья сестры великого князя, и она купалась в любви и роскоши. Марго же прошла все круги ада: она жила у распутного священника, потом попала на каторгу за убийство, которого не совершала, и была приговорена к расстрелу. Спасла ее мадам Цирцея, содержательница пансиона для девушек. Вот только обучала она своих воспитанниц вовсе не хорошим манерам, а искусству воровства и мошенничества. Марго оказалась ее самой талантливой ученицей. А вскоре у нее появилась напарница Мари... Сестры воссоединились, и вскоре по всему миру прокатилась цепь дерзких ограблений. Комиссар полиции Феликс Дежъен дал себе слово во что бы то ни стало поймать неуловимых преступниц. Однажды он столкнулся с Марго лицом к лицу, но та умудрилась сбежать прямо из-под носа сыщика. После этой встречи они оба потеряли покой...

Антон Валерьевич Леонтьев

Демоны зимних ночей

Коста-бьяннская газета «El Mercurio de Elparансо», 30 сентября 1903 года:

ВЫНЕСЕН ПРИГОВОР МАРКИЗЕ-ОТРАВИТЕЛЬНИЦЕ!

МАРИ-МАРГАРИТА ДЕ ВАЛЬТРУА ПОЛУЧИЛА ПО ЗАСЛУГАМ!

КАЗНЬ НАЗНАЧЕНА НА 4 ОКТЯБРЯ!

– Убийца, убийца, убийца! – Гул толпы все нарастает. Ваш покорный слуга находится около здания криминального суда Великого княжества Бертранского. Из-за поворота показывается черный экипаж.

Люди взволнованы. В глазах большинства из них мелькают ненависть и злость. Еще бы, ведь именно по вине той, что находится в карете, крошечное княжество на Лазурном побережье стало ареной одного из самых шумных судебных процессов начала XX века.

Карета останавливается, усатые жандармы теснят зевак. Дверь распаивается, и появляется она. Она – позор нации, как заявила одна из бертранских газет. Она – исчадие ада, как утверждает прокурор. Она – ангел тьмы, как судачат в толпе.

Она, маркиза Мари-Маргарита де Вальтруа, которую обвиняют в отравлении восемнадцати человек!

– Убийца, убийца, убийца! – Голоса сливаются воедино. Женщина, что шествует к зданию суда, удивительно красива – нежная белая кожа, черные волосы и синие глаза. Она облачена в тюремное платье мышинного цвета и белый чепец. Маркиза де Вальтруа высоко держит голову, а на ее устах играет торжествующая улыбка.

Крики замирают, появление подсудимой электризует толпу. А вашего покорного слугу до костей продирает мороз: эта женщина не испытывает ни малейшего чувства раскаяния. А ведь в ее вине не приходится сомневаться! Химическая экспертиза установила, что большая часть несчастных скончалась от огромной дозы так называемого «poudre de succession», «порошка наследства», infernalного изобретения прелестной аристократки.

Она чрезвычайно грациозна и ведет себя так, как будто находится на великосветском приеме, а не у здания криминального суда. Слышится истошный крик: «Убийца! Убийца! Убийца!»

Маркиза поворачивает голову и с улыбкой смотрит на священника, который произнес это. Святой отец опускает глаза и смолкает. Мари-Маргарита посылает ему воздушный поцелуй!

О, ваш покорный слуга может себе представить, почему эта обольстительница сумела безнаказанно совершать злодеяния в течение почти тринадцати лет. Эту женщину обожали, перед ней преклоняли колени, по ней сходили с ума. Она была замужем шесть раз, и пять из шести ее супругов были, как теперь известно, отравлены Мари-Маргаритой. Помимо них, жертвами коварной маркизы стали как минимум еще тринадцать человек – мадам де Вальтруа опробовала действенность новых ядов на нищих и бездомных, которые почитали ее святой и питались в столовой, организованной ею на деньги супруга. На самом же деле время от времени она подмешивала в пищу отраву, дабы испытать на живых людях, как на подопытных грызунах, эффективность очередного токсина.

Маркиза, это эфемерное создание, похожа на безвинную жертву судебного произвола, и будь я на месте присяжных, то вынес бы вердикт: «Невиновна!»

Но она виновна! И маркиза знает это лучше, чем кто бы то ни было! Она сама призналась в совершенных преступлениях: разумеется, не в припадке раскаяния (вряд ли это чувство знакомо прелестной маркизе), а под давлением неопровержимых улик и свидетельства ее любовника и подручного Жана Лареми.

И вот маркиза переступает порог старинного здания. Ваш покорный слуга спешит вслед за ней – в отличие от сотен зевак, у меня есть официальное разрешение, которое позволяет мне присутствовать на процессе против маркизы-отравительницы.

Интерес к ее преступлениям и к личности самой Мари-Маргариты поистине колоссальный. По всей Европе только и говорят, что об этом сенсационном деле. В зале суда присутствуют мои коллеги—репортеры ведущих изданий Старого Света. Кроме того, есть журналисты из Америки, Российской империи и даже

Персии и Японии!

Я спешу подняться по узкой витой лестнице на балкон, где располагаются места зрителей и представителей прессы. Когда я занимаю кресло, раздается голос: «Встать, суд идет!»

Все, следуя этой команде, поднимаются. Подсудимая, не отрываясь, следит за тем, как появляется судья: полный седой господин с роскошными бакенбардами в стиле кайзера Франца Иосифа. Посланец Фемиды облачен в длинную алую тогу, на голове завитой парик.

Судья опускается в массивное кресло, удар деревянного молоточка оповещает всех присутствующих, что последнее заседание в процессе маркизы де Вальтруа открыто.

– Обвиняемая, – судья обращает свои слова к маркизе, – перед началом прений сторон вам предоставляется последнее слово.

Адвокат маркизы что-то шепчет своей подопечной, Мари-Маргарита качает головой и хмурит брови. Законник явно против того, чтобы маркиза воспользовалась предоставленной возможностью и обратилась к высокочтимому суду.

– Ваша честь, я хочу сказать несколько слов. – Голос маркизы де Вальтруа, звонкий и чистый, разносится под сводами зала судебных заседаний.

– Прошу вас. – Судья снова ударяет молоточком.

Маркиза с неподражаемой грацией (и кто бы мог подумать, что ее отец был мелким железнодорожным чиновником, а мать – дочкой булочника) поднимается со скамьи подсудимых. Воцаряется тишина.

Мы, репортеры, стараемся уловить каждое слово, следим за каждым жестом маркизы. Все, что будет сказано ею сейчас, уже этим вечером появится в экстренных выпусках трех десятков наиболее известных газет всего мира.

– Дамы и господа, досточтимый суд, ваша честь! – маркиза совершенно спокойна, и в который раз ваш покорный слуга ловит себя на мысли, что эта женщина не может быть виновной в тех ужасных преступлениях, в которых ее обвиняют.

– Волей судьбы я оказалась здесь, всеми презираемая и ненавидимая. Прокурор пытается убедить вас в том, что я, Мари-Маргарита де Вальтруа, являюсь новой маркизой де Бринвильер[1 - Французская аристократка (1630—1676), отравившая ради наследства мужа, отца, двух братьев и сестру и еще не менее пары десятков человек; была обезглавлена в правление Людовика XIV.] или графиней Элизабетой Батори. А человек, которого я любила и продолжаю, несмотря на его предательство, любить, обвиняет меня в совершении множества убийств!

Голос маркизы дрожит, на глазах блестят слезы. Ваш покорный слуга чувствует ком в горле.

– Да, я преступила человеческий и божий закон, – говорит маркиза де Вальтруа. – И современная наука смогла неопровержимо доказать это! Я не собираюсь отрицать очевидное!

Маркиза пытается сыграть на чувствах и собственном обаянии. У нее это получалось, и не раз. После смерти ее третьего мужа маркизу едва не уличили в отравлении, однако Мари-Маргарита сумела очаровать сначала врача, а затем инспектора полиции, и те, убежденные в том, что такая дама просто не может быть преступницей, пошли у нее на поводу, и кара пала на голову невиновного. В течение последующих восьми лет погибло еще как минимум десять человек!

– Вы можете спросить меня: ради чего? Ради чего я совершала все эти ужасные преступления? Прокурор пытается убедить вас в том, что основной движущей силой моих поступков было сребролюбие.

Маркиза хладнокровно устраняла всех, кто находился на ее пути к богатству. Почти все мужья завещали Мари-Маргарите солидное состояние, и, чтобы не делиться деньгами с прочими наследниками, она пускала в ход «порошок наследства».

– Но это не так! Клянусь всеми святыми, что это наветы и ложь! Если я и убивала, то только по одной причине – из-за любви!

Маркиза делает эффектную паузу и замирает. Я вижу, что слова подсудимой произвели впечатление на многих. На многих, но не на всех. Судья зевает и поглаживает бакенбарды. А ведь именно от его решения зависит дальнейшая судьба маркизы. Получит ли она двадцать лет каторги, пожизненное заключение в страшном замке-тюрьме Святая Берта – неприступном месте заточения, откуда никто и никогда не сбегал, или...

Или бертранская юстиция в первый раз за многовековую историю вынесет смертный приговор женщине! Мари-Маргарита де Вальтруа знает, что в этом случае ей грозит смерть под ножом гильотины.

– Любовь, вот что двигало мной. Я полюбила Жана Лареми, который предал меня и пытается купить ценой предательства себе жизнь. Он, выступая в суде, пытался представить все таким образом, будто все эти годы находился под моим влиянием и исполнял мою злую волю! Он лжет! Жан намеренно обманул вас, заявив под присягой все, что требовал от него прокурор, ожидая, что тот сохранит моему возлюбленному жизнь в обмен за предательство и лжесвидетельство!

Прокурор, сухопарый господин в золоченых очках, более похожий на профессора энтомологии, чем на представителя правосудия, тотчас взвизгивает и протестует. Но судья отклоняет протест!

Маркиза, довольная тем, что ей позволено продолжить речь, вещает:

– Именно Жан Лареми, человек, которого я люблю, виноват во всем! Это он подал мне мысль о том, что если мой первый супруг, маркиз де Вальтруа, скончается, то я получу в наследство замок, обширные угодья и триста тысяч франков.

Маркиза пытается убедить всех в том, что она является жертвой зловещего плана, разработанного ее любовником Жаном Лареми. Этот человек всего несколько дней назад давал показания как главный свидетель обвинения и произвел на вашего покорного слугу жалкое впечатление.

В отличие от маркизы, которая в течение всего процесса держится крайне собранно и с величайшим достоинством, ее любовник и сообщник был на грани истерики, обвинял во всем маркизу и публично заявил, что никогда не любил ее, потому что, цитирую его, «любить такое исчадие ада, как Мари-Маргарита, не в состоянии ни один добрый христианин».

Наконец подсудимая прибегает к последнему средству. Ее длань взмывает вверх, к балкону, где находится публика. Мы все знаем, на кого указывает маркиза.

Две девочки, одна лет трех-четырех, другая, восьми месяцев от роду, на руках кормилицы, находятся там. Дочки маркизы де Вальтруа.

– Ради них, только ради них я решилась на эти ужасные преступления! – Мари-Маргарита начинает плакать. – Я хотела, чтобы мои дочери ни в чем не нуждались. Я никогда не думала о собственной выгоде!

Позволю себе заметить, что в словах и заверениях маркизы нет ни слова правды. Не исключаю, однако, что даже такая мать, как она, любит своих чад, но сейчас Мари-Маргарита использует невинных созданий, дабы добиться милостивого для себя приговора. Маркизу арестовали, когда она была на восьмом месяце беременности. Отцом девочек, по всей видимости, является Жан Лареми, хотя он отрицает это. Маркиза же заявляет, что родила дочерей от своего последнего, шестого, мужа.

Бедные дети, какая судьба их ожидает? Лицо старшей дочери, Маргариты, непроницаемо. Девочка, несмотря на свой юный возраст, хорошо понимает, что происходит в зале суда. Ее младшая сестра, Мари, разумеется, ничего не осознает.

– Я невиновна! – такими словами заключает свою пафосную речь маркиза. – Всевышний свидетель тому, что я раскаиваюсь в своих многочисленных грехах и взываю к вашему милосердию! Вы не можете оставить двух малюток, которых я люблю сильнее всего на этом свете, без матери. Я невиновна!

Маркиза использовала все свои чары обольщения и красноречия, чтобы вымолить у суда нужный ей приговор. Мари-Маргарита не хочет умирать, она не желает отправляться в царство теней вслед за восемнадцатью лишенными ею

жизни жертвами. Восемнадцать – но никто не сомневается, что на самом деле их количество было куда больше! Маркиза известна тем, что основала приют для обездоленных и убогих, где регулярно подавался горячий обед для всех нуждающихся. Нередко случалось, что после трапезы в приюте тот или иной бродяга или нищенка внезапно умирали. Но кого интересовала судьба несчастных «отверженных»? По слухам, маркиза практиковала на бедолагах новые способы отравления и испытывала, как страшно это ни звучит, новые яды. Фирменным блюдом в этом богоугодном заведении был так называемый «паштет де Вальтруа»: деликатес, сдобренный смертельной порцией мышьяка или свинца.

Наконец слово получил прокурор. И аура невинной жертвы судебного приговора рассеивается. Обвинитель рутинно перечисляет имена жертв маркизы и завершает свою речь призывом:

– Всякое преступление должно быть наказано!

Адвокат пытается сгладить неприятное впечатление от речи прокурора, но это ему не удастся. Он, как и маркиза, обвинил во всех грехах Жана Ларемии. Но поверит ли этому суд?

– Суд удаляется на совещание! – разносится по залу. Объявляется перерыв. Маркиза осталась сидеть на своем месте. Ваш покорный слуга замечает, как Мария-Маргарита шепчет молитву. Но что ответит бог на ее мольбы? Раскаивается ли она в том, что совершила, или только пытается избежать смерти?

Наступает вечер, и лучи заходящего солнца проникают в зал через витражное стекло. Толпа на улице не расходится, все ждут решения суда. Мне стало известно, что делаются ставки: пять к одному, что женщина впервые в истории Великого княжества Бертранского будет приговорена к смертной казни.

При этом важную роль играет тот факт, что подсудимая – маркиза, представительница одного из самых знатных родов Бертрана. Готово ли правосудие к тому, чтобы вынести ей смертный приговор?

Начавшийся три года назад двадцатый век призван стать эрой либерализма и милосердия. В Европе ведутся споры о том, имеет ли государство право лишать

жизни преступников, пусть и столь ужасных, как маркиза де Вальтрауа. Не буду скрывать, что я тоже сделал ставку: я рассчитываю на то, что маркиза получит пожизненное заключение в Святой Берте и это станет достаточным для нее наказанием. Древний замок возвышается на скале в бухте княжества, и условия содержания в нем весьма суровы. У Мари-Маргариты будет возможность в течение долгих лет поразмыслить над своими ошибками и открыть сердце богу.

Кроме того, нельзя забывать и о позиции верховной власти: великий князь Мишель-Оноре II, который взошел на трон всего четыре года назад, для многих олицетворяет начало новой эпохи. Молодой и чрезвычайно популярный среди подданных княжества властелин не раз заявлял и делами доказывал, что он стремится модернизировать средневековую систему правосудия в стране. Его цель – построить как можно больше школ и больниц и ликвидировать тюрьмы. В случае вынесения смертного приговора маркизе он, как сюзерен, обладает правом помилования. Это не значит, что маркиза выйдет на свободу: но, вместо того чтобы отправиться на эшафот, она окажется в Святой Берте до конца дней своих.

То, что Мишель-Оноре готов активно использовать свое право помилования, доказывают процессы последних лет. Во многих случаях смертная казнь по его указу была заменена пожизненным заключением.

И вот наступает финал этой трагедии. На улице давно царит ночь, зал освещен новомодными электрическими фонарями. Появляется председательствующий судья. Он отсутствовал более трех часов. Все едины в том, что чем больше времени требуется на вынесение приговора, тем милосерднее он будет.

Три часа – много это или мало? На предыдущих процессах, завершившихся смертными приговорами, суду требовалось не более получаса, чтобы отправить преступников на эшафот. Таким образом, ваш покорный слуга все больше и больше утверждает в мысли, что маркиза будет приговорена к пожизненному заключению.

Все поднимаются, судья раскрывает бархатную папку цвета крови и провозглашает:

– «Сего дня, тридцатого сентября года тысяча девятьсот третьего от Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа, криминальный суд Великого княжества

Бертранского выносит окончательный и не подлежащий пересмотру приговор по делу маркизы Мари-Маргариты де Вальтруа, обвиняемой в совершении восемнадцати намеренных убийств посредством яда. Доказательства вины обвиняемой суд счел убедительными, кроме того, имеется признание самой обвиняемой и ее сообщника Жана Лареми. У суда не осталось ни малейшего сомнения в том, что обвиняемая полностью осознавала, что совершает, и имела представление о непосредственных результатах своих деяний. Смягчающим обстоятельством в этом деле является наличие у обвиняемой двух детей».

Судья отрывается от чтения приговора и смотрит на маркизу. Присутствие духа на мгновение покидает Мари-Маргариту. Бледность заливает ее лицо, в глазах вспыхивает тревога.

– «Однако не подлежит никакому сомнению, что обвиняемая не испытывала в течение тринадцати лет, на протяжении которых она практиковала убийства при помощи яда, ни малейшего раскаяния, и не будь она схвачена, то продолжала бы заниматься этими богомерзкими деяниями и по сей день. Исходя из этого, суд принял единственно возможное в данной ситуации решение...»

Все уже понимают, каким будет приговор. Маркиза поворачивается к своему адвокату и что-то быстро говорит ему, затем поднимает взгляд к балкону, где находятся две ее дочери. Мари-Маргарита держится великолепно. Ваш покорный слуга видел многих людей, которым выносился смертный приговор, все они были мужчины, и ни один из них не вел себя столь собранно и достойно, как маркиза-отравительница.

– «Суд приговаривает маркизу Мари-Маргариту де Вальтруа, урожденную Фуко, к смертной казни посредством гильотинирования!»

Судья с треском закрывает папку, затем ударяет молоточком и произносит:

– Процесс объявляется закрытым!

Все потрясены решением суда, хотя оно и не стало неожиданностью. Даже те, кто требовал смертного приговора, стараются не смотреть на маркизу. Едва судья покидает зал, к Мари-Маргарите подходят два дюжих жандарма. Маркиза с улыбкой выходит из зала.

В здание суда проникают крики с улицы. Толпа радостно гогочет: только что стало известно, что маркизу приговорили к гильотине. Ваш покорный слуга бросается к витражному окну и, несмотря на запрет, распахивает его.

Площадь перед зданием суда освещена газовыми фонарями и факелами, которые держат в руках многие из собравшихся. Маркиза медленно идет к черной тюремной карете.

– Убийца, убийца, убийца! – вопят люди. Маркиза никак не реагирует на издевки толпы.

Она понимает, что ее единственная надежда – великий князь Мишель-Оноре. Наверняка тот уже знает о вердикте суда, поэтому интригой последующих дней станет вопрос: подпишет ли он помилование маркизе или нет?

Во тьме мои глаза различают деревянные конструкции на площади Святого Иоанна, подле самого большого бертранского собора. Это – эшафот, который два дня назад начали сооружать сноровистые плотники.

Эшафот, на котором, если великий князь не помилует маркизу де Вальтруа, будет установлена «старая дама», как зловеще-ласково именуют гильотину.

Эшафот, на котором будет обезглавлена Мари-Маргарита.

– Убийца, убийца, убийца! – Толпа опьянена чувством вседозволенности и торжества. В маркизу летят гнилые овощи и яйца. Жандармы безуспешно пытаются призвать разошедшихся буржуа к порядку.

Дверь кареты распахивается, маркиза, перед тем как ступить на подножку, внезапно оборачивается. Вопли как по команде стихают. Мари-Маргарита улыбается, и эта улыбка вызывает у меня страх.

Маркиза запрокидывает голову и смотрит на небо. Затем переводит взгляд на здание суда. Она смотрит прямо на меня!

Секунда – и наваждение исчезает. Жандарм подталкивает маркизу, и она оказывается в чреве кареты. Толпа снова начинает бесноваться и вопить.

Так кто же она, Мари-Маргарита де Вальтруа? Несчастливая жертва или неведущая жалости убийца? Или: и то, и другое? Я испытываю разочарование от вердикта суда.

Карета трогается с места, жандармы теснят запрудивших площадь людей. Я закрываю створки витражного окна. Зал заседания практически пуст. Только плачет старшая дочь маркизы, которая, видимо, понимает, что никогда больше не увидит свою матушку.

- Убийца, убийца, убийца!

* * *

Мари-Маргарита Фуко появилась на свет 4 марта 1875 года. Мари, как ласково звали ее родители, была живым и непосредственным ребенком. Отец не чаял в ней души, она была его любимицей.

К пятнадцати годам из озорной девчушки она превратилась в очаровательную девушку. У Мари было много поклонников, и родители настоятельно рекомендовали ей наконец сделать выбор.

- Например, Анри, у него отец - известный адвокат, - убеждал ее отец.

- Зачем мне Анри? - отвечала Мари. - Он толстый, лицо в угрях.

- Ну тогда доктор Антуан, - встревала с советами матушка. - Мари, подумай, тебе уже шестнадцать!

- Этот ваш доктор Антуан старше меня на тридцать лет! Не хочу!

- Ну, может быть, Жак-Луи? - Отец перебирал одного за другим ухажеров Мари.

- Еще чего! Он нищий!

- Так кто же тебе нужен, дочка? - потерял в конце концов терпение месье Фуко.

Мари подумала и ответила:

– Красивый, молодой и богатый!

– Тогда придется ждать до второго пришествия, – вздохнула мадам Фуко и заявила мужу, что не имеет ничего против, если дочь отправится в монастырь.

Мари знала, что даже при всей ее красоте у нее не много шансов отыскать того самого принца, о котором она мечтает. Ее отец работает на железной дороге, и ладно был бы крупным чиновником в министерстве или фабрикантом мягких вагонов: месье Фуко исполнял обязанности кондуктора. Особых денег эта работа не давала и, помимо всего прочего, была чрезвычайно изматывающей и нервной.

Зато матушка надеялась на то, что ее престарелый и зажиточный отец-булочник вот-вот скончается и его смерть принесет им финансовую независимость. Мари подслушала как-то разговор между родителями. Матушка строила грандиозные планы и планировала путешествие в Париж, а отец мечтал о том, что, когда ему достанется прибыльное предприятие тестя, он бросит опостылевшую работу на железной дороге.

– Только вот твой папаша все не собирается отдавать богу душу, – сказал он жене.

Матушка горестно согласилась:

– Ему восемьдесят три, и он протянет еще лет пятнадцать. А на днях заявил мне, что на свой столетний юбилей хочет получить огромный кремовый торт!

Дедушка Мари обожал сладости. Мари представила себе, что произойдет, когда матушка унаследует шикарный дом деда и его деньги! Отец предполагал, а матушка была уверена, что ее отец скопил никак не меньше полумиллиона.

Полмиллиона франков! Это поистине фантастическая сумма! Они сразу станут богачами! Но противный дедушка... Вообще-то Мари его любила, он всегда давал ей то пять, до десять франков, когда она навещала его (потому-то девушка так часто и заходила к старику в гости), но он в самом деле еще крепкий и ладный! Встает полчетвертого утра, сам ворочает тяжеленные противни, и ни на

что не жалуется, кроме легкого ревматизма и застарелой желудочной язвы.

Мари представила себе, что будет, если дед... Если ее любимый дедушка вдруг скончается! Ему ведь восемьдесят три! А он желает дотянуть до ста. Когда на последнем дне рождения матушка пожелала ему справить свой вековой юбилей, хитрый старик ответил:

– Дочь моя, зачем же ограничивать господу в его милости!

А его отец, прадед Мари, дотянул до ста пяти лет. Неужели ей придется ждать еще долгие двадцать лет? Когда дедушка скончается, ей будет под сорок! Сорок лет – почти старуха! И зачем ей тогда деньги, наряды и драгоценности! Они нужны ей сейчас!

В газете Мари наткнулась на статью о некой американке, которая при помощи мышьяка отправила на тот свет своего мужа-дантиста, его родителей и старшую сестру. Помимо крупного наследства, она получила за каждого из них выплаты от страховой компании. Если бы не скоропостижная смерть нового мужа, тоже застрахованного на сто тысяч долларов, и не запоздалые подозрения полиции, эта дама так бы и жила в свое удовольствие. Ее судили и приговорили к пожизненному заключению.

Мари поймала себя на мысли, что фантазирует на тему того, как бы поступила она сама на месте этой американки. Если бы та не польстилась на страховой полис, то так и осталась бы на свободе с солидным капиталом.

Значит, сделала для себя вывод девушка, важнее всего – не попадаться! Мари внимательно прочитала статью, узнала, что заокеанская «черная вдова» отравила мужа и его родственников мышьяком, который ее супруг использовал в лечебных целях как стоматолог.

А где возьмет мышьяк она? Мари отыскала яд в лавке бакалейщика, где приобрела его как средство для борьбы с крысами.

– Столько грызунов в подвале у дедушки развелось, – улыбаясь продавцу, пояснила она. – Вот он и хочет их уморить!

Мари, конечно же, не сказала, что это она хочет уморить, и вовсе не крыс, а самого дедушку. Ему и так восемьдесят три, он многое повидал, многое пережил...

Мари воспринимала это как игру. Она купила чудные пирожные, любимые дедушкины, разноцветные безе и бланманже. Мышьяк, как было написано в газете, обладает специфическим горьким вкусом, поэтому американка всыпала его в приторный черничный ликер, которым и попотчевала мужа, свекра, свекровь и свояченицу.

Сладкие пирожные наверняка скроют вкус яда! Мари навестила деда – старик был в великолепном расположении духа и чрезвычайно обрадовался визиту любимой внучки.

– Дедушка, это для тебя, – Мари протянула старику коробочку с пирожными. Тот был тронут до глубины души. Он тут же полакомился сладостями. Мари, сославшись на то, что у нее не так много времени, ушла восвояси.

А поздно вечером матушке сообщили, что ее отец скончался. Доктор Антуан (тот самый, за которого родители хотели сосватать Мари) заявил, что причиной смерти стало прободение язвы желудка. Мари нашла в кухне остатки пирожных и благоразумно их уничтожила. Никто и предположить не мог, что это она убила дедушку!

* * *

Некролог в бертранской газете «La Voix du Bertrand», 8 апреля 1890 года:

«Requiescat in pace! [2 - Да почиет в мире! (лат.)]

На восемьдесят четвертом году жизни, после долгой и продолжительной болезни, усоп Поль-Люк Фуко, возлюбленный отец, добрейший дед и праведный христианин.

Господь призвал его к себе после благочестивой и исполненной мирских добродетелей жизни.

Скорбь осиротевших родных безгранична, вера в милость господню безмерна!

Отпевание состоится 14 апреля в капелле Св. Михаила».

* * *

К разочарованию мадам Фуко, старик отписал практически все свое имущество старшим сыновьям, дочь получила пейзаж, исполненный ее папашей сорок лет назад, его старую трубку и вышитый бисером кисет. «Любимая внучка Мари» по завещанию стала владелицей дедушкиной канарейки и трехсот франков.

Так Мари впервые задумалась о том, что, во-первых, смерть может приносить деньги, а во-вторых, не всегда они достаются тем, кто в них более всего нуждается.

Мари все ждала, что вскроются новые подробности смерти дедушки, что полиция арестует ее, старика выкопают из могилы и подвергнут экспертизе.

Ничего подобного не произошло. Смерть восьмидесятитрехлетнего старца никого не озаботила. Мари подумывала о том, чтобы угостить пирожными с мышьяком дядек, но, узнав, что в случае их смерти, лавка отойдет ее кузенам, оставила эту затею. Не травить же всю семью, в конце-то концов!

На триста франков Мари приобрела роскошное платье и отправилась на бал, который раз в год устраивался в великокняжеском дворце для дочерей и жен мещан и буржуа.

Мари сразу поняла, что ее платье за триста франков, которое она считала верхом изящества и самым прелестным нарядом, который она когда-либо видела, заметно проигрывает по сравнению с туалетами других барышень.

Пары кружились под чудесные венские вальсы, Мари с завистью разглядывала богато одетых девиц, которые щебетали с молодыми военными или сыновьями банкиров. На нее никто не обращал внимания! Она что, так весь бал и простоит около мраморной колонны?

«Чертов дед, – подумала Мари, – и почему он оказался таким жадюгой?» Она рассчитывала получить после его смерти несоизмеримо больше!

– Разрешите пригласить вас на танец, – услышала девушка старческий голос. Она заметила невысокого полного господина лет шестидесяти с лишним. Судя по всему, он был достаточно богатым: дорогой костюм, сверкающие ордена, горделивый взгляд. Старик сразу же не понравился Мари.

– Маркиз де Вальтруа, – представился незнакомец и прикоснулся сухими губами к ручке Мари. – Вы прелестны, как капля утренней росы на лепестке лотоса!

Ага, за ней ухаживает маркиз! Мари натужно улыбнулась, и аристократ увлек ее за собой.

Маркиз шептал ей комплименты и жеманно хихикал, Мари делала вид, что наслаждается его обществом. Она выудила из старика, что он вдовец, кроме того, у него имеется замок на границе Бертрана и Франции, к которому прилегают леса и поля. Маркиз не нуждался в деньгах, он не скрывал, что является обладателем крупного состояния.

– Мари, дитя мое, вы – самая прелестная дебютантка на этом балу, – прошептал на прощание де Вальтруа.

Сказка закончилась, и хотя маркиз походил не на прекрасного юного принца, а скорее на злого древнего чародея, Мари рассталась с ним с большой неохотой. Де Вальтруа рассказывал ей о том, что проводит три месяца в Бертране, затем, на зиму, перебирается в Париж, оставшиеся полгода путешествует по миру: у него имелась собственная яхта!

На мгновение Мари представила себя в обществе маркиза. Она – его жена! У нее будет пара сотен шикарных платьев, шкатулка с фамильными драгоценностями, она навсегда забудет о прозябании в унылой бедности и о пресной гороховой похлебке.

Вот она возлежит на шелковой софе, в руках у нее бульварный роман, в будуар, оглядываясь по сторонам, проскальзывает темноволосый красавец, они сливаются в поцелуе, его рука скользит по ее телу, и... и...

И откуда ни возьмись появляется старый маркиз, который каркающим голосом оповещает:

– Мари, ты изменила мне! Я разведусь с тобой, и ты не получишь ни сантимата! Вон из моего замка!

Мари знала, что никогда не станет женой маркиза де Вальтруа. Что ж, мечты так и останутся мечтами. Дрянной дедушка, и отчего он оказался таким скупердьяем?

Через два дня перед их домом остановился блестящий экипаж, запряженный четверкой гнедых лошадей. В гости пожаловал маркиз де Вальтруа. Мари, узревшая визитера со второго этажа, моментально бросилась на кровать. Что старику надо?

Спустя несколько минут девушка услышала торопливые шаги на лестнице и стук в дверь.

– Мари, – произнесла испуганным голосом матушка, – прошу тебя, оденься и спустись вниз! Тебя хочет видеть его сиятельство господин маркиз де Вальтруа!

– У меня болит голова! – ответила Мари.

Матушка заохала:

– Мари, он просит твоей руки!

Маркиз пожаловал к ним домой, чтобы просить ее руки? Но разве такое бывает? Она совершенно не знает его, он старше ее на пятьдесят лет и годится ей не то что в отцы, а в дедушки. И в то же время...

У де Вальтруа есть замок, он чрезвычайно богатый и влиятельный человек. И кто знает, возможно, ему осталось совсем немного на этом свете!

– Мари, – услышала девушка материнский вздох, – дочка, не заставляй маркиза ждать! Это редкостная удача! Батюшка уже дал ему свое согласие!

Мари перестала мечтать. Значит, решено! Она станет маркизой! Мари-Маргарита де Вальтруа! О, ведь именно к этому она и стремилась!

Девушка спустилась вниз. Маркиз вел неторопливую беседу с месье Фуко. Мари вздохнула: аристократ был еще страшнее, чем он ей запомнился. Ниже ее на голову, с впалой грудью и большим животом, обвислым морщинистым лицом, зеленоватой кожей и узенькими водянистыми глазками. Серые жидкие волосы едва прикрывали череп сановного гостя. Завидев невесту, маркиз с необычайной резвостью подскочил и расплылся в улыбке.

– Дорогая Мари, – прикладываясь к ее руке, произнес де Вальтруа, – я уже имел честь беседовать с вашими родителями. Я прибыл для того, чтобы испросить их соизволения на свадьбу! Я полюбил вас, Мари! А вы? Любите ли вы меня?

Мари уставилась на маркиза, больше похожего на сухопутную черепаху. Жених внушал ей отвращение. В то же время она вспомнила о старинном замке и колоссальном богатстве де Вальтруа.

– О, маркиз, я люблю вас больше жизни! – произнесла она с надрывом. – Батюшка, матушка, благословите нас!

Умиленные родители дали свое согласие на скорый брак Мари и маркиза. Свадьба прошла в замке де Вальтруа: Мари не могла поверить, что скоро станет владелицей всего этого. Маркиз заказал ей платье у лучших парижских модисток, а перед венчанием преподнес невесте бриллиантовое ожерелье.

– Оно принадлежало моей матушке, – сказал де Вальтруа.

Мари как замороженная смотрела на сверкающие камни.

Не колеблясь ни секунды, Мари ответила на вопрос священника, согласна ли она взять в мужа Франсуа Рени Шарля-Альберта де Вальтруа, энергичным «да»!

* * *

Бертранская газета «La Voix du Bertrand», 17 сентября 1891 года:

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ:

ДРЯХЛЫЙ МАРКИЗ ДЕ ВАЛЬТРУА БЕРЕТ В ЖЕНЫ 16-ЛЕТНЮЮ МЕЩАНКУ!

«Сочетание браком престарелого маркиза де Вальтруа и юной Мари-Маргариты Фуко, без сомнения, стало самым шумным событием уходящего сезона. Один лишь факт, что маркиз – богатейший помещик княжества, а его будущая супруга – дочь мещанина, придает этому союзу пикантность, не говоря уже о колоссальной разнице в возрасте, составляющей едва ли не полвека. Маркиз де Вальтруа слывет волокитой и ловеласом, поэтому предположение о том, что его молодая супруга (третья по счету) будет счастлива, вряд ли сбудется...»

* * *

Их свадьба стала подлинной сенсацией. Еще бы, последний отпрыск одного из самых знатных дворянских родов княжества взял в жены молодую мещанку. Мари предпочитала не думать о том, что ее отец работает на железной дороге, а матушка ведет домашнее хозяйство. Она теперь маркиза!

После шумного торжества и бала под сводами старинного рыцарского замка молодожены удалились в опочивальню. Мари имела представление о том, что последует за бракосочетанием. Родители никогда не говорили с ней «об этом», они и не подозревали, что их дочь знает куда больше, чем им кажется!

В огромной и холодной опочивальне стояла большая кровать с балдахином. Маркиз полез к жене со слюнявыми поцелуями. Мари закрыла глаза. Ей хотелось оттолкнуть от себя старика, но она понимала, что полностью зависит от супруга.

Маркиз повалил ее на кровать, Мари судорожно вздохнула. Ей не пришлось долго мучиться, запал маркиза быстро иссяк, и он отвалился от нее и захрапел. Мари лежала во тьме и горько думала о том, что представляла себе первую брачную ночь несколько иначе.

– Мне нужен наследник! – заявил ей на следующее утро маркиз. Он был женат два раза, обе его супруги скончались: одна – от туберкулеза, другая – в

результате несчастного случая, упав с лошади.

Де Вальтруа было далеко за шестьдесят, и его волновало то, что у него нет сына. Сына, который бы унаследовал все его состояние и титул. Мари прозрела – маркиз не любит ее.

Она его, впрочем, тоже. Галантный и ласковый ухажер исчез, уступив место сварливому и скупому старику. Маркиз продолжал вести светский образ жизни, часто бывал при великокняжеском дворе, тратил огромные суммы на собственный туалет и, как вскоре узнала Мари, содержал нескольких мотовок-любовниц и охотно посещал бордели.

Стоило молодой маркизе заикнуться о том, что она тоже хочет поехать в Париж, или быть представленной великому князю и его супруге, или отправиться вместе с мужем в круиз по Средиземному морю, как де Вальтруа с визгом отвечивал:

– Мари, твоя задача – родить мне двух... нет, лучше трех... четырех сыновей! Дочери не в счет! Вот когда родишь, тогда и получишь возможность развлекаться. Не забывай, что ты моя жена и обязана выполнять все мои приказы!

Мари возненавидела мужа. Он без зазрения совести спускал за вечер в казино несколько тысяч франков, его любовницы щеголяли в великолепных нарядах и сверкали раритетными самоцветами, а она, законная жена, сиднем сидела в плохо протопленном, сыром замке (фамильное гнездо де Вальтруа располагалось в болотистой местности). Ей приходилось довольствоваться старыми, абсолютно немодными нарядами, принадлежавшими двум покойным супругам маркиза. Муж выдавал ей в месяц для ведения хозяйства двести франков, а затем скрупулезно проверял записи в книге расходов, постоянно пеняя Мари на неумение экономить и слишком дорогие покупки.

Мари думала, что, выйдя замуж за маркиза, окажется в сказке; на самом деле ее унылая и лишенная удовольствий жизнь больше походила на тюремное заключение. Она проклинала тот момент, когда познакомилась с маркизом. Ей хотелось сбежать из замка, но она знала, что это невозможно. Де Вальтруа силой вернет ее обратно.

Развод? Церковь ни за что не признает развода, тем более что маркиз знаком с архиепископами и кардиналами, и они никогда не дадут разрешения на расторжение брака. И что ей делать? Маркиз, несмотря на свои хронические заболевания, постоянное несварение желудка, подагру и сердечную жабу, протянет еще много лет.

Мари задумалась. А вот если бы ее драгоценный супруг скончался. Ведь с ним, как и с любимым дедушкой, может произойти что-то ужасное, и тогда Бертран понесет непоправимую утрату: маркиз де Вальтруа отправится в мир иной!

– Ты все еще не беременна! Ты что, бесплодна? – ругался маркиз, который раз в неделю, по субботам, выполнял супружеский долг. Мари не побоялась сказать мужу, что, вероятнее всего, дело не в ней, а в нем.

– Ты что, с ума сошла! – взъярился маркиз и ударил ее по лицу. – У меня пятеро незаконнорожденных детей, но мне нужен официальный наследник!

После этого разговора муж начал выполнять супружеские обязанности два раза в неделю. Родители изредка навещали дочь в замке, и Мари делала вид, что совершенно счастлива. На самом деле она как-то раз забралась на самую высокую башню и посмотрела вниз, на острые камни. Мелькнула мысль: а не лучше ли броситься головой вниз? Тогда всем мучениям настанет конец!

Маркиз обожал лошадей, и после покупки очередного рысака, который обошелся ему в тридцать пять тысяч франков, он нанял нового конюха. Мари не любила ездить верхом, она помнила о судьбе своей предшественницы и была знакома со сплетнями о том, что маркиз в припадке гнева стегнул хлыстом лошадь, на которой сидела его жена. Кобыла понесла и сбросила несчастную маркизу, которая сломала хребет и умерла той же ночью.

Зато ей нравилось бродить по конюшне, беседовать с лошадьми, гладить их по шелковистой коже и кормить с руки. Мари казалось, что благородные животные понимают ее беды, и от этих монологов ей становилось легче.

Как-то, излив лошадям душу, она услышала шорох и, обернувшись, наткнулась на нового конюха. Молодой человек притаился и внимал ее жалобам.

– Как вы смеете! – воскликнула в гневе Мари. Она смутилась, поняв, что слуга слышал ее жалобы на черствость маркиза и их унылую супружескую жизнь.

– Госпожа маркиза, мне очень жаль, что я стал невольным свидетелем вашего печального монолога, – произнес конюх, и Мари отметила, что он очень даже недурен собой: статный, с хорошей фигурой, тонкими чертами лица и вьющимися черными волосами. Она внезапно вспомнила, что его зовут Жан.

– Жан Лареми к вашим услугам, – сказал конюх.

Мари выбежала из конюшни. Что позволяет себе этот наглец! Как он смеет подслушивать ее жалобы на жизнь. А что, если... если он расскажет обо всем маркизу? Мари в последнее время пришлось убедиться в том, что у мужа тяжелая рука. Несколько раз она пыталась отвертеться от опостылевших ей супружеских обязанностей под предлогом того, что у нее болит голова, но маркиз, ничего не слушая, силой принуждал ее к соитию.

Мари, не выдержав, обернулась. Конюх Жан смотрел ей вслед и улыбался. Мари поклялась, что расскажет обо всем маркизу, и тот велит наказать распоясавшегося простолюдина, но она этого не сделала.

Вечером, после скудной трапезы (отварная жилистая курица, похлебка из чечевицы, кислое красное вино и пирог из яблок-падалицы), маркиз, только что прибывший из Парижа, где развлекался с субретками и спускал деньги, в который раз сказал:

– Мари, я не понимаю, что с тобой! Я надлежащим образом исполняю супружеский долг, а ты до сих пор не понесла! Я говорил с доктором, он осмотрит тебя!

Краска стыда залила лицо Мари. Муж не хочет понять, что не ее в этом вина! Поэтому, недолго думая, она сказала:

– Это излишне, Франсуа. Я... я не хотела пока говорить тебе, желала сделать это сюрпризом... Я жду ребенка!

Маркиз расплылся в чернозубой улыбке и воскликнул:

– О, Мари, это великолепная новость! Будет непременно мальчик! Но ты уверена, что это не ошибка?

– Уверена, – упрямо произнесла Мари.

Она была готова лгать, лишь бы муж отстал от нее и не пришлось подвергаться унижительной и, что самое главное, бессмысленной процедуре медицинского осмотра. Она слышала, как служанки в замке шептались о том, что его сиятельство маркиз давно утратил мужскую силу вследствие не знающего удержу пьянства и почтенного возраста.

Мари думала, что теперь муж оставит ее в покое, но ошиблась. Старик поцеловал жену и сказал:

– А сейчас мы отправимся в опочивальню, моя дорогая!

Лежа с закрытыми глазами на спине и дожидаясь, когда же наконец маркиз насытится, Мари представляла себе конюха Жана. И о чем она думает? Ведь это так низко и мерзко!

Отдуваясь и фыркая, маркиз сполз с Мари и сказал:

– Ну, теперь я уверен, что у меня будет мальчик, дорогая! Ты заслужила подарок! Я умею быть щедрым, ты ведь это знаешь!

Мари ожидала, что муж преподнесет ей драгоценность или позволит заказать у модисток несколько платьев. Вместо этого маркиз де Вальтруа велел достать из подвала старинную дубовую люльку с гербом.

– В ней покоился я, и мой отец, и мой дед! – сказал он. – Это станет великолепным подарком для моего сына, Мари!

На следующий день маркиз отбыл к великокняжескому двору. Мари отправилась на конюшню. Жан Лареми, заметив ее, улыбнулся. Мари ощутила, что ее бросило в жар. Она мечтала о том...

О том, что вместо мужа на супружеском ложе вместе с нею окажется конюх!

Мари подумала о том, что рано или поздно придется сказать маркизу: ребенка не будет. Конечно же, он разъярится, возможно, избьет ее.

– Госпожа маркиза, могу ли я помочь вам? – спросил Жан.

Мари ответила:

– Я хочу прокатиться верхом! Подготовьте мне лошадь!

Конюх не выказал удивления. Мари и сама не понимала, отчего это она решила совершить конную прогулку.

Жан помог ей взобраться на лошадь, и Мари почувствовала, как его руки прикоснулись к ее бедру.

– Госпожа маркиза, разрешите мне сопровождать вас, – сказал Жан. – Если с вами что-то случится, господин маркиз накажет меня.

Мари разрешила. Жан взял под уздцы лошадь, и они отправились в лес. Мари никак не могла успокоиться, перед ней все время возникала одна и та же картина: она и этот конюх предаются греху в супружеской спальне. Жан, казалось, чувствовал пристальный взгляд хозяйки и читал ее мысли.

Прогулка подошла к концу, конюх помог Мари спешиться. Как будто случайно его рука задержалась на ее талии, а их губы встретились. Жан поцеловал ее. Мари оцепенела! Ей следует дать мерзавцу пощечину, а затем немедленно уволить! Но вместо этого она обхватила шею конюха руками. Как же его поцелуи отличаются от слюнявых прикосновений дрожащих губ Франсуа!

Услышав шаги, Мари отпрянула от Жана. Появился другой конюх. Мари с небрежением проговорила:

– Благодарю вас!

Молодой человек склонился до земли и прошептал:

– Всегда рад услужить вам, госпожа маркиза!

Мари заперлась в своей комнате, легла в кровать и попыталась забыть о том, что произошло. Вместо этого она представляла себе, что могло бы случиться, если бы им не помешали. Сначала Жан целует ее, затем его рука оказывается у нее на груди...

Она приказала себе немедленно забыть о непристойных вещах, но даже во сне ей привиделся конюх. Мари приняла решение, что попросит мужа, как только он вернется в замок, уволить Жана Лареми.

* * *

Вместо этого на следующий день она отправилась в конюшню. Жан, с обнаженным торсом, разбрасывал вилами сено. Мари бросило в жар, и вместо того, чтобы отвести взгляд, она уставилась на Лареми. Как разительно отличается он от старого и дряблого маркиза! Какие у него мускулистые руки...

Заметив хозяйку, конюх остановился. Мари старалась не смотреть на его смуглое и сверкающее от пота тело. Жан в отличие от нее не был смущен.

– Госпожа маркиза, смею предположить, что вы хотите снова совершить конную прогулку? – спросил он дерзко, и Мари услышала в его словах издевку. Кто он такой, этот Жан Лареми, что себе позволяет! Она – супруга сиятельного маркиза де Вальтрау...

– Да! – ответила Мари. Жан нарочито медленно натянул рубаху, а затем привел кобылу и помог Мари забраться на нее.

Мари была разочарована. Конюх даже не попытался поцеловать ее или прикоснуться к ней! Неужели она ошиблась?

Они снова отправились в лес. Жан шел, не оглядываясь. Внезапно он остановился, лошадь послушно замерла.

– Госпожа маркиза, вы несчастливы с мужем? – спросил Жан. Мари не знала, как реагировать на его вопрос. Это переходит все границы!

Неожиданно она расплакалась. Жан помог ей сойти с лошади и поцеловал. Она не сопротивлялась. Затем он увлек ее в чащу, и там, на поляне, она и согрешила с Жаном.

Через полчаса госпожа маркиза, задумчивая и с блаженной улыбкой на лице, вернулась к замку. Лошадь под уздцы вел конюх Жан. Со стороны все выглядело благочинно и невинно.

С той поры Мари необычайно любила конные прогулки. Это заметил маркиз, однако он и не подозревал, что является подоплекой внезапной страсти супруги к лошадям.

– Я читала, дорогой, что подобный моцион чрезвычайно полезен для будущей матери, – сказала Мари. Она усердно готовилась к рождению ребенка: регулярные прогулки в обществе красавца Жана привели к тому, что у нее начал расти живот.

Маркиз был на седьмом небе от счастья. Мари грустила, что в последнее время муж все реже уезжает и оставляет ее одну. Врач сказал, что конные прогулки необходимо на время прекратить. Маркиза была безутешна: она утратила возможность встречаться с Жаном!

Роды прошли на удивление легко, маркиз де Вальтруа, держа в руках синеглазого малыша с черными волосами, заявил:

– Черт возьми, он похож на моего батюшку, Мари!

Она-то знала, что ребенок, которого нарекли Клодом Франсуа Луи Мари, на самом деле – вылитая копия конюха Жана. Маркиз, получив наследника, пустился во все тяжкие. Он отсутствовал неделями, возвращаясь в замок без гроша в кармане. Мари знала, что муж спускает состояние в обществе продажных девиц, но она не имела ничего против того, чтобы Франсуа как можно реже появлялся в родовом гнезде.

Ей была невыносима мысль о том, что конные прогулки отложены до весны. Маркиз, вбив себе в голову, что жена должна немедленно забеременеть и родить ему второго сына, снова и снова навещал ее в супружеской спальне.

Мари тосковала по крепким объятиям конюха Жана и его мускулистому телу.

Наконец муж отправился в длительную поездку за границу: великий князь Бертранский послал его с особым поручением в Лондон. По приказу маркизы конюх Жан зимой получил работу в замке: Мари задумала разбирать старинную библиотеку семейства де Вальтруа, и молодой человек охотно ей в этом помогал.

Мари стала замечать, как улыбаются служанки, когда видят ее вместе с Жаном, но ей было решительно наплевать на это. Конюх навещал ее на супружеском ложе, и Мари чувствовала, что счастлива.

Маркиз вернулся внезапно и едва не застал Жана вместе с Мари. Видимо, кто-то послал де Вальтруа анонимное письмо. Маркиз был в ярости. Он обвинил Мари в супружеской измене и рассчитал Жана, пригрозив, что если тот не уберется со двора сию минуту, то он застрелит его.

– Мари, ты мне изменяешь! – бушевал супруг.

Он не слушал ее оправданий и твердых заверений в том, что это наветы завистников и врагов. Маркиз избил Мари и заявил, что отныне она не имеет права покидать свою комнату. Он приставил к ней в соглядатаи двух хитрых старух, своих незамужних кузин.

Мари была в отчаянии. Неужели все закончилось и следующие годы ей предстоит провести в заточении, под неусыпным надзором вездесущих дуэний? О, если бы маркиз умер...

Мари во что бы то ни стало хотела увидеть Жана, но ей не позволялось выходить из комнаты. Она нашла шкатулку, на дне которой лежал конверт с серым порошком. Дедушка после того, как откушал пирожных, приправленных этим составом, скончался в течение нескольких часов.

Значит, скончается и Франсуа! Старый маркиз контролировал каждый ее шаг. Жизнь с ним и до этого была несладкой, теперь же она сделалась ужасной. Мари уговорила мужа отужинать с ней. Она разыграла раскаявшуюся жену. Де Вальтруа с недоверием относился к супруге, но все же принял ее приглашение.

Стол накрыли в холодном зале, маркиз и Мари сидели за столом друг напротив друга на расстоянии десяти метров. Когда настала очередь десерта, Мари сказала:

– Дорогой, я приготовила твой любимый ежевичный пудинг! Ты пальчики оближешь, уверяю тебя!

Часом ранее Мари, которой маркиз разрешил покинуть спальню, побывала на кухне и, улучив момент, бросила в миску с мукой остатки серого порошка. Де Вальтруа, как и ее покойный дедушка, был знатным сластолюбом.

Маркиз с большим удовольствием откусывал пудинг, похвалил ужин и сказал, потирая живот:

– Мари, в последнее время между нами было много недоразумений, но я решил, что мы должны попытаться начать все заново. Я хочу еще одного сына!

– Конечно, Франсуа, – ответила Мари и поцеловала мужа.

Он пожаловался на тяжесть в желудке и легкое жжение, Мари, попеняв супругу на бледный вид, сказала, что самое время отправиться в опочивальню. Она наблюдала за маркизом. Он кривился от боли, однако подобные приступы мучили его уже давно.

Муж быстро заснул, Мари все сидела перед зеркалом, расчесывая длинные волосы. Неужели яд за прошедшие два года утратил свои токсичные свойства? Она читала, что император Наполеон после поражения в битве при Ватерлоо хотел отравиться и даже принял изрядную дозу цианистого калия, которая находилась у него в перстне, но, кроме рези в желудке и поноса, ничего не заработал: яд разложился и стал безвредной субстанцией.

Мари смотрела в зеркало, в котором отражался спящий маркиз. Внезапно она услышала протяжный стон. Де Вальтруа открыл глаза и прошептал:

– Мари, у меня горит в желудке... Прошу тебя, доктора...

Он попытался привстать, но силы покинули его. Мари отвернулась, услышав икоту. Мужа вывернуло прямо на простыни. Мари почувствовала тонкий аромат чеснока. Вот он, признак отравления мышьяком!

– Дорогой, не стоит беспокоиться, это обычное пищевое отравление. – Мари подошла к маркизу. Старик был жалок, его бледные пальцы судорожно вцепились в простыни.

– Мари... доктора... немедленно. – Голос де Вальтруа слабел с каждой секундой.

Мари и не думала звать помощь. В спальню постучали: это была одна из кузин Франсуа.

– У вас все в порядке, я слышала крики и стоны? – осведомилась дуэнья.

Мари грубо ответила:

– Мадемуазель, убирайтесь к себе в спальню и не беспокойте нас! Сейчас половина второго ночи! У нас все в полном порядке!

Маркиз тяжело дышал, зеленоватого оттенка кожа лоснилась от пота. Мари с любопытством посмотрела на мужа. Ей еще никогда не доводилось присутствовать при чьей-либо кончине. В том, что де Вальтруа умирает, она не сомневалась. Значит, яд все еще действует!

– Мари, почему ты... доктор... позови моих кузин...

– Дорогой, – заботливо произнесла Мари, – все обойдется, я уверена, что нам не стоит поднимать тревогу. Это несварение желудка, тебе нужно внимательнее следить за тем, что ты ешь, Франсуа!

– Это ты... ты... Мари, отравила меня! Я понял, этот ужин... ты подсыпала мне отравы в еду! Ты и твой любовник... Мне следовало убить вас обоих...

Мари снова уселась перед зеркалом и принялась расчесывать волосы. Маркиз сыпал проклятиями, но голос его слабел. Она старалась не смотреть на мужа. Что поделать, он сам виноват в том, что произошло. Он содержит дюжину

любовниц, тратит деньги на шлюх, а ей отказывает в небольшой плотской радости.

– Мари... Я проклинаю тебя! Желая, чтобы твоя голова покатила с плахи!

Маркиз захрипел, его снова вырвало. Мари поджала губы. Какая мерзость! И почему смерть так неприглядна? Впрочем, таково действие мышьяка, он обезвоживает и иссушает организм. Говорят, что сейчас есть масса растительных ядов, следы которых в организме не в состоянии обнаружить ни один ученый-химик.

Маркиз скончался через четверть часа. Мари все сидела и расчесывала волосы. Когда стоны и хрипы стихли, она подошла к кровати. Постель и пол были заляпаны рвотной массой и кровью. Такое сразу же вызовет подозрение!

Накинув шлафрок, Мари вышла из спальни. Любопытные старухи, не подчинившись ее требованию, роились у двери.

– Мари, в чем дело! Что с нашим милым Франсуа!

– Мой муж умер, – сказала, держа в руке свечу, Мари. Старухи перекрестились и пожелали видеть покойника.

– Нет! – оттолкнула их в сторону Мари. – Мадемуазель, не забывайте, что теперь замок принадлежит мне и вы пребываете здесь из моей милости. Впрочем, после похорон Франсуа попрошу вас отправиться восвояси. Я не желаю больше терпеть ваше общество!

Мари захлопнула дверь спальни и заперла ее на ключ. Спустившись вниз, она разбудила Альбертину, одну из наиболее преданных служанок, и сказала:

– Принеси в мою спальню таз с горячей водой и тряпки! Немедленно!

При помощи Альбертины она вычистила кровать и обтерла труп, затем заменила белье. Покойник выглядел вполне пристойно: следов насильственной смерти не осталось. Мари проветрила спальню и зажгла ароматизированные свечи.

Кузины маркиза, увидев покойника, начали голосить. Под утро Мари послала за врачом. Тот, поверив рассказу безутешной вдовы, поверхностно осмотрел тело и констатировал смерть от удара.

* * *

Бертранская газета «Les Echos» о смерти маркиза де Вальтруа, 22 августа 1893 года:

СМЕРТЬ В ЗАМКЕ НА БОЛОТАХ:

МАРКИЗ ДЕ ВАЛЬТРУА СТАЛ ЖЕРТВОЙ СОБСТВЕННЫХ ПОРОКОВ

«...кончина пожилого аристократа, последовавшая прошедшей ночью, не вызывает ни слез ни печали – от болезней, вызванных излишествами и распутством, скончался деспотичный, полубезумный представитель некогда блестящего рода, и вряд ли кто-либо, за исключением юной вдовы, будет скорбеть из-за смерти маркиза де Вальтруа...»

* * *

Маркиза погребли в семейном склепе. Сразу после похорон Мари выставила вон кузин Франсуа, а затем послала за Жаном. Тот прохлаждался без работы в соседней деревушке. Лареми не сомневался в том, что Мари убила маркиза. Он с полным правом поселился в замке, и молодые люди предались любви на ложе, где несколькими днями ранее скончался от отравления мышьяком маркиз де Вальтруа.

– Мари, я люблю тебя! – прошептал, целуя юную вдову, конюх.

– О, Жан, я тоже люблю тебя! – ответила Мари.

– Но тебе надо быть осторожной, дорогая, – заметил он. – Нельзя, чтобы пошли слухи о том, что ты сразу после смерти мужа нашла утешение в моих объятиях.

Полиция в любой момент может приказать эксгумировать тело де Вальтруа, и тогда в его организме найдут убойную дозу яда. А за это светит как минимум двадцать лет каторги!

Мари беспечно ответила:

– О, не стоит беспокоиться, мой милый Жан! Я и сама поняла, что мышьяк – далеко не лучший яд!

Служанка Альбертина, которая знала многие опасные подробности кончины старого маркиза, через две недели стала жертвой зверского преступления. Когда она вечером возвращалась в замок через лес, на нее напали грабители и перерезали ей горло. Смерть несчастной никого особенно не взволновала, время от времени подобные преступления происходили.

В ночь убийства Альбертины Жан Лареми вернулся в замок окровавленный, Мари собственноручно отмыла его, а одежду они сожгли в камине. Нож, которым Жан перерезал служанке горло, покоился на дне выгребной ямы.

По завещанию маркиза его супруга получала замок, прилегающие к нему угодья и почти триста тысяч франков наличными. Мари не могла поверить своему счастью – ее мечты сбылись! Она наконец-то стала богатой, а рядом с ней был человек, которого она любит. Жан Лареми...

Вдова не соблюдала положенный траур, наоборот, едва ли не через неделю после кончины де Вальтруа маркиза появилась в свете, удивив всех изяществом нарядов и небывалыми драгоценностями. Мари наслаждалась вниманием к собственной персоне. Ей ведь всего восемнадцать! О том, что на ее совести смерть трех человек, она предпочитала не думать.

Жан настаивал на том, чтобы они поженились. Мари колебалась: она – маркиза, а кто такой ее любовник? Подобный мезальянс вызовет пересуды и возбудит подозрения. Мари и так не нравилось, что за ее спиной шушукались, а кое-кто намекал: смерть старого маркиза была насильственной!

Мари де Вальтруа стала открытием великокняжеского сезона. Она принимала комплименты и ухаживания, и когда молодой Луи, единственный сын банкира Созаро и наследник всех его капиталов, сделал ей предложение, она, недолго

думая, согласилась.

При этом она руководствовалась необходимостью заботиться о хлебе насущном – наследство маркиза таяло, как мартовский снег, только на ведение хозяйства в родовом замке уходила прорва денег. Жан тоже не стеснял себя в расходах, и настал момент, когда от трехсот тысяч не осталось и следа.

Новое замужество оказалось подарком небес. Луи был полной противоположностью маркиза де Вальтруа: молодой, красивый и заботливый. Такого принца когда-то она и ждала, но с тех пор много воды утекло...

Луи любил Мари и был готов отдать жизнь, чтобы сделать ее счастливой. Он однажды заявил жене об этом.

– Ты действительно так думаешь, Луи? – спросила в задумчивости Мари. Муж с пылкостью подтвердил, что это так и есть.

«Он готов отдать ради меня жизнь», – подумала Мари. Она не могла сказать, что испытывает к Луи антипатию или ненавидит его. Муж ей нравился, он ни разу не повысил на нее голос, оплачивал все ее прихоти и с радостью усыновил маленького Клода Франсуа.

И все же... Мари не хватало Жана. Она сумела сделать так, чтобы супруг взял Лареми в качестве лакея. Но возможности предаваться прежним забавам у них не было – Луи никуда не уезжал, в принадлежащем ему банке бывал несколько раз в неделю, спешно возвращаясь домой, чтобы посвятить себя без остатка молодой супруге и сыну.

Вскоре Созаро завел разговор о том, что им необходим собственный ребенок. Мари не без чувства брезгливости вспомнила о девяти месяцах беременности, которые считала бесцельно растраченным временем, но ответила, что тоже желает малыша.

Жан попался на мелкой краже, его судили и отправили на полгода в тюрьму. Мари была безутешна. Ее дорогой Лареми оказался за решеткой! Она даже несколько раз навещала его, и муж был весьма этим удивлен и даже раздражен.

– Мари, – заявил Луи Созаро, – я прекрасно понимаю, что ты, милосердная христианка, желаешь добра несчастному, но это вовсе не значит, что нужно навещать его в Святой Берте! В конце концов, он понес заслуженное наказание. И подумай, что скажут другие!

Мари пришлось отказаться от поездок в тюрьму. Луи никак не мог выбросить из головы затею с ребенком и вскоре преподнес жене подарок: поездку по городам Италии.

– Это станет нашим вторым медовым месяцем, Мари, – убеждал ее молодой банкир, – и я знаю, что наш сын будет зачат в Венеции или во Флоренции!

Раньше Мари была бы непременно рада подобному презенту, она давно мечтала посмотреть мир, пожить в роскошных отелях, побывать на прославленных курортах. Но как она оставит Жана! Он гниет в тесной камере, которую делит с насильником малолетних, женоубийцей и фальшивомонетчиком, получает три раза в день постную похлебку и кусок черствого хлеба, а она отправится с мужем в тур по Итальянскому королевству!

Мари подумалось – а ведь все может закончиться таким же образом, как и в случае с бедным маркизом де Вальтруа. Луи двадцать пять, но люди умирают и в таком возрасте от внезапной и, казалось бы, беспричинной смерти. И если муж скончается вдали от Бертрана, то и задавать вопросов никто не будет! И вообще, лучше, если произойдет несчастный случай!

Поэтому Мари, которая скептически относилась к идее мужа о путешествии, вдруг сказала, что согласна. Луи поцеловал ее и ответил, что немедленно займется устройством их «второго медового месяца».

В то время как супруг заказывал номера в самых роскошных итальянских отелях и улаживал прочие формальности, Мари отправилась на прогулку. До этого она внимательно изучила несколько книг по медицине и токсикологии. Она уяснила, что, помимо мышьяка, существует масса ядов, которые лишают человека жизни быстро, безболезненно и, что самое важное, не оставляя следов. Современная наука уже разработала способ для определения того, находится ли в организме жертвы мышьяк или нет. А вот исследование растительных ядов только началось.

Мари посетила несколько модных лавок, полностью обновила гардероб для предстоящего путешествия, не забыв прикупить черное платье с черной шляпкой и вуалью – когда Луи скончается в одном из итальянских отелей, у нее должен быть соответствующий событию наряд.

Затем она отправилась в аптеку. Мари купила пузырек с настойкой южноамериканского яда, выделяемого лягушкой пипой коста-бьяннской.

– Это великолепное средство от бессонницы, не так ли? – осведомилась она.

Аптекарь возразил, сказав, что секрет пипы коста-бьяннской – быстродействующий яд, который в малых дозах используется при снятии острых приступов артрита и ревматизма.

– Ах, ну конечно же, именно поэтому мой любимый дядюшка и просил купить ему эти капли! – с ангельской улыбкой заметила Мари. – Бедняжка так страдает от прострела!

– Вы должны наносить настойку исключительно на здоровую кожу, – предупредил ее аптекарь. – Если секрет пипы коста-бьяннской проникнет в кровь, а для этого достаточно крошечного, глазом не видимого повреждения кожи, то в течение очень короткого времени он вызовет сердечный коллапс и парализует легкие, его действие очень похоже на знаменитый яд кураре. Индейцы до сих пор смазывают этим ядом стрелы перед охотой.

– Ах, значит, яд опасен, если попадет в кровь? – нахмурилась Мари.

Аптекарь пояснил:

– Именно так, а если, к примеру, случайно выпить настойку, то ничего не случится, конечно, если у вас нет язвы желудка...

Заплатив изрядную сумму, Мари поблагодарила говорливого аптекаря и отправилась обратно в отель. В руке, обтянутой тонкой шелковой перчаткой, она зажала темный пузырек. По дороге домой в экипаже она осторожно открыла его и понюхала – настойка имела слабый аромат спирта. Ну что же, Луи ей симпатичен, но любит она Жана! К тому времени, когда она с телом мужа

вернется в Бертран (хотя нет, лучше всего будет похоронить Луи в Италии), Жан выйдет из Святой Берты. Она во второй раз станет молодой и, что самое важное, богатой вдовой, и тогда ничто не будет мешать ее счастью с Лареми. Это последнее убийство, которое она совершит. Все же убивать – это грех, как учит церковь, а Мари посещала воскресную мессу и раз в месяц исповедовалась. Священнику, разумеется, незачем знать о том, как умерли бабушка и маркиз де Вальтруа, а вот в остальном можно и покаяться.

Луи и Мари провели несколько незабываемых дней в Генуе, затем побывали в Венеции, где к их услугам был целый палаццо. Они катались на гондоле по узким каналам, и Луи заказал супруге ночную серенаду в исполнении лучших музыкантов. Мари была польщена – бедняжка Созаро действительно любит ее. Они могли бы жить счастливо еще лет пятьдесят, но что поделаешь, у каждого своя судьба...

Муж не отказывал ей ни в единой прихоти, Мари скупала наряды чемоданами, а драгоценности уже не помещались в объемном кофре из змеиной кожи. Наконец, через три недели они прибыли во Флоренцию. Их ждал целый этаж самой известной гостиницы города. Мари чувствовала, что порядком устала от постоянного созерцания памятников архитектуры, нежностей со стороны Луи и его любовных излияний. Ее тянуло обратно, в Бертран, но им предстояло еще около двух месяцев шатаний по Италии.

– Скажи, дорогая, тебе ведь хорошо со мной? – спросил ее Луи, и Мари ележно ответила:

– Мой милый, это самое незабываемое время в моей жизни!

– О, Мари, – прошептал со слезами на глазах Созаро, – я так люблю тебя, я готов отдать богу душу ради тебя!

Мари подумала, что это неплохая идея. Тем же вечером, после утомительного приема во дворце у какого-то герцога, она решила воплотить ее в жизнь. Точнее, в смерть. Оставив мужа мирно спать, она прошла в большую ванную, заперла ее изнутри и вытащила из недр несессера пузырек с лягушачьим ядом, на котором предусмотрительно поместила наклейку: «Касторовое масло». Итак, настала пора действовать!

Она покрутила в руках позолоченный набор для бритья. Затем натянула кожаные перчатки, обмакнула опасную бритву в ядовитую настойку и оросила ею помазок для бритья. Яд проникнет в кровь еще до завтрака, и никто не заподозрит отравления!

Мари вернулась обратно к мужу и поцеловала его в лоб. Луи придется умереть, но она устроит ему похороны по высшему разряду!

Проснувшись на следующее утро, она увидела, что мужа в постели нет. Мари проскользнула в ванную комнату и увидела, как он взбивает в чашечке из оникса радужную мыльную пену.

– Дорогой, разреши мне, – промурлыкала она и поцеловала мужа. Луи расплылся в улыбке и стал с энтузиазмом рассказывать Мари о том, что он запланировал на этот день.

– К завтраку нас ждет градоначальник, – вещал муж, а Мари, вытащив пузырек с секретом пипы коста-бьянксской, ловким жестом опрокинула остатки яда в чашечку с мыльной пеной, – он хорошо знал моего покойного отца...

Мари – воплощение любящей жены! – протянула супругу плоску с пеной. Луи, насвистывая, стал намыливать щеки. В его руке сверкнула позолоченная опасная бритва. Мари вздохнула и, пожелав мужу еще раз доброго утра, отправилась переодеваться.

Луи вернулся через десять минут. Супруга не без удовлетворения отметила две еле заметные ссадины – на подбородке и левой щеке. Луи, как это часто бывает, порезался во время бритья, а, стало быть, яд проник в кровь! Мари с неподдельной тревогой заметила:

– Дорогой, ты выглядишь больным. Что с тобой?

Молодой банкир, бледный и с испариной на лбу, сказал:

– Странно, Мари, но у меня разрывается голова. Еще пять минут назад все было в полном порядке, а потом вдруг закололо в висках.

– Наверное, это от переутомления, – сказала Мари и обняла супруга. – Думаю, нам придется отложить визит к флорентийскому мэру. Тебе необходимо прилечь, дорогой!

– Нет! – заявил Луи. – Это будет расценено как бестактность или оскорбление. Нас ждут, Мари, поэтому, прошу тебя, переоденься!

Спустя полчаса они вышли на улицу, где их ждал экипаж. Луи то и дело потирал лоб. Мари заметила, что мужа слегка качает. Какой все же он упрямый! Мог бы умереть в отеле, а так скончается в доме здешнего градоначальника или вообще в карете!

Мари подготовила почву для «неожиданной» смерти Луи – на протяжении предыдущих дней она то и дело вставляла в разговор с прочими постояльцами отеля, отдыхающими и знакомыми, что у Луи большое сердце и врачи предписывают ему полный покой, а ее муж пренебрегает этими рекомендациями.

Когда Луи скончается, все будут уверены, что это вполне естественный результат его небрежного отношения к собственному здоровью.

– Дорогой, и все же давай отменим визит, – попыталась переубедить мужа Мари.

Луи тихим голосом ответил:

– Все будет в полном порядке, милая, у меня только рябит в глазах и во всем теле ужасная слабость. Уверен, что две-три чашки крепкого кофе поставят меня на ноги.

– Тебе виднее, дорогой, – сказала Мари, и экипаж понес их к дому градоначальника.

Луи скончался по пути. Когда карета остановилась перед трехэтажным особняком с белыми колоннами, Мари знала, что муж мертв. Созаро с открытыми глазами сидел в углу. На всякий случай она попыталась нащупать у него пульс. Их встречал мэр с супругой.

– Как я рада вас видеть, – прошептала Мари. Галантный флорентинец подал ей руку, помогая выбраться из экипажа. – Мой супруг сегодня с утра чувствует себя неважно, вы же знаете, у него больное сердце. Ах, Луи, просыпайся, мы приехали!

Ей не пришлось разыгрывать отчаяние, Мари чрезвычайно естественно скорбела по своему второму мужу. Смерть молодого наследника миллионов возбудила всеобщий интерес, однако нашлась дюжина свидетелей, которые подтвердили, что Луи Созаро страдал неизлечимым пороком сердца и в его кончине, собственно, не было ничего неожиданного.

Врач удовлетворился поверхностным осмотром, тем более что ничто не указывало на насильственную смерть, несчастный даже не успел позавтракать в день своей кончины.

* * *

Мари облачилась в черный шелк и нашла, что траур ей чрезвычайно к лицу. Луи похоронили во Флоренции, и в Бертран она вернулась девятнадцатилетней вдовой.

Все деньги Луи достались ей, Жана Лареми выпустили из тюрьмы, и у них началась беззаботная жизнь.

– Только подумай, он оставил почти полтора миллиона! Нам хватит этого на целую вечность! – восторгалась Мари. – Это не идет ни в какое сравнение с жалкими тремястами тысячами франков, которые завещал мне маркиз. Кстати, Жан, я уже нашла покупателя на замок де Вальтруа, за него дают не более ста двадцати тысяч, сбыть с рук развалину, в которой даже нормального отопления и туалетных комнат нет, чрезвычайно сложно!

Жан Лареми, проведя в тюрьме шесть месяцев, познакомился с проворовавшимся аптекарем, который открыл ему некоторые секреты мастерства отравителей. Аптекарь зарабатывал на жизнь в том числе и тем, что продавал из-под полы яды и делал по заказу адские субстанции.

– Жан, нам это больше не понадобится! – сказала Мари. – Мы чертовски богаты, и все преступления остались в прошлом!

Последующие два года они провели за границей, где усердно тратили наследство Луи Созаро. Жан оказался завзятым картежником и мог за ночь спустить до ста тысяч франков. С таким разгульным образом жизни полтора миллиона превратились в пшик очень быстро.

Настал момент, когда денег для оплаты счетов не стало и банк отказал маркизе де Вальтруа в кредите.

– Жан, мы снова нищие, – воскликнула Мари, – ну, или почти нищие! Мне придется продавать драгоценности, а я этого не хочу! За что господь так несправедлив к нам? И во всем виноват ты со своей тягой к азартным играм!

Жан поколачивал Мари, однако это не мешало ей нежно его любить. Именно Лареми, словно предчувствуя грядущую финансовую несостоятельность, настоял на том, чтобы они не оформляли официальных отношений. Он выступал в роли ее личного секретаря.

Ударом для Мари стала и смерть ее малолетнего сына Клода Франсуа. Мальчик слег с дифтерией, и через три дня его не стало. Смерть ребенка оставила Жана равнодушным, Мари восприняла ее как кару небес.

– Это расплата за наши злодеяния! – вопила она, мечась по мебелированным комнатам, куда они переехали, не в состоянии дальше оплачивать аренду шикарной виллы. – Жан, мы преступили божий закон и теперь несем за это заслуженное наказание!

Лареми грубо схватил плачущую Мари за локоть и влепил ей звонкую оплеуху.

– Запомни, я не имею к этому никакого отношения, – произнес он. – Это ты отравила маркиза, ты отправила на тот свет и сына банкира.

– Зато ты прирезал служанку, – попыталась заикнуться Мари, и Жан изо всей силы ударил ее по лицу.

– Дура, не смей больше говорить об этом, – прошипел он в лицо любовнице. – Если выкопать твоих мужей, в их останках обнаружатся следы яда, и это будет прямым доказательством того, что они стали жертвами убийства. А смерть Альбертины – всего лишь разбойное нападение. Никто и никогда не докажет, что это я перерезал дурочке глотку в темном лесу. Она была уверена, что я приглашаю ее на свидание...

Мари зарыдала, сама не зная, отчего именно: то ли ее так угнетала потеря сына, которого она, вообще-то, не любила и воспитанием которого занимались многочисленные бонны и гувернантки, то ли ее ввергала в ужас перспектива нищей жизни, то ли она никак не могла привыкнуть к тому, что Жан разительно переменялся и из чуткого любовника превратился в пьяного дебошира.

Лареми прикрикнул на нее:

– Если мы будем держаться вместе, Мари, то никто и никогда не сможет разоблачить нас! Ты же убедилась, что совершить убийство и выйти сухой из воды до смешного легко!

– Но, дорогой, как мы будем жить? У нас нет денег! Скоро нас попросят и отсюда, из этой дыры, и что тогда, неужели придется отправиться на улицу? О, и зачем я продала замок де Вальтруа, он все равно принес такие гроши, ты спустил их в течение двух месяцев за ломберным столом!

Жан снова ударил Мари: его костистая ладонь рассекла ей губу, она закричала:

– Ну вот, опять будет синяк! Жан, какой ты неловкий!

Лареми отхлебнул из горлышка бутылки приличную порцию коньяку, утерся рукавом и произнес:

– Мари, ты должна снова выйти замуж!

– Но за кого? И зачем? – спросила та. Жан ничего не ответил, и Мари все поняла.

– Ты хочешь, чтобы я снова... Чтобы... мой муж... скончался, оставив мне все деньги в наследство? Но Жан, мы же решили, что никогда больше не будем

убивать!

– Ты решила, что не будешь убивать, а я не имею к смертям твоих супругов ни малейшего отношения, – проревел Лареми. – Или ты это не усвоила? Каким еще образом ты хочешь раздобыть денег?

Мари задумалась: Жан прав! Нехорошо, конечно, лишать жизни собственных мужей, но другого пути у них нет. Ей представилась страшная картина: она, без гроша в кармане, с парой чемоданов, набитых старомодными платьями, возвращается в отчий дом. Что может быть ужаснее! Она – маркиза де Вальтруа, над ней будут смеяться, ее будут унижать!

– Ну что, до тебя дошло? – спросил Жан и привлек к себе Мари. Иногда он умел быть чрезвычайно нежным, как в старые добрые времена. – Мы немедленно займемся поисками подходящего мужа. А я возобновлю знакомство со своим сокамерником, ну, тем самым аптекарем. Он достанет любой яд!

Мари была убеждена: ее громкий титул, молодость и красота пленят любого мужчину. Дождавшись, пока с лица сойдут синяки, она отправилась на очередной бал. С разочарованием ей пришлось убедиться, что мужчины готовы флиртовать с ней, говорить фривольные комплименты и восторгаться ее туалетами, но никто не собирается делать ей предложение руки и сердца.

– Милочка, – объяснила ей пожилая баронесса, – мужчины вас боятся! Два ваших супруга скончались через весьма короткое время после заключения брака. Говорят, что у вас дурной глаз!

Мари пришлось продавать драгоценности, чтобы хоть как-то держаться на плаву. Наконец ювелир-еврей получил от нее браслет с изумрудами и сапфирами – последнюю вещицу, которая хранилась в кофре из змеиной кожи.

– Жан, что нам делать! – заломив руки, плакала Мари. – Мне скоро двадцать один год, в свете блистают девчушки много младше меня, кому-то я кажусь старухой! И слухи, слухи... У меня было около трех десятков предложений стать любовницей, но что это даст? Завещание все равно составлено не на мое имя, а в пользу законной жены и многочисленных отпрысков.

– Бертран – это деревня, – подвел итог Жан. – Здесь нам делать нечего. Мы должны как можно быстрее уехать отсюда.

– Но куда, Жан, в Рим? Может быть, в Париж? Или в Берлин?

Лареми покачал головой и ответил:

– Я уже заказал два билета на «Кронос» из Саутгемптона в Нью-Йорк. Это самый большой и современный пароход в мире! Новый Свет ждет нас, моя дорогая, и я уверен, что там ты найдешь свое счастье! За океаном полно миллионеров, которые только и ждут того, чтобы заполучить в жены настоящую маркизу, причем такую прелестную, как ты. Эти янки – ужасные снобы, им, потомкам безродных эмигрантов, хочется украсить фамильное древо старинным европейским титулом.

* * *

Российская газета «Московские ведомости» о лайнере «Кронос», 4 декабря 1895 года:

ВЕЛИКАН МОРЕЙ:

ГИГАНТ «КРОНОС» ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ!

«Построенный на верфи «Харланд энд Вольф» в Белфасте, лайнер «Кронос» является самым крупным в мире. Стоимость этого корабля-голиафа приближается к колоссальной сумме в шесть миллионов английских фунтов... Над рождением сего «покорителя вод морских» в течение двух лет непрерывно трудились три тысячи человек. Каждый из трех двигателей «Кроноса» занимает почти три складских помещения. Вес корабля – 62 000 тонн, а длина эквивалентна протяженности четырех городских кварталов. Его высота от ходового мостика до киля подобна высоте небоскреба! Вызывающая роскошь, с которой обставлен «новый Ноев ковчег»: первый класс имеет огромный салон отдыха, курительную комнату, большой приемный зал, два теннисных корта и читальню. Обеденный салон по высоте занимает три палубы и увенчан куполом –

шедевром бельгийских мастеров, выполненным из прозрачайшего и наипрочнейшего хрусталя. На нижних палубах устроены турецкие бани с плавательным бассейном и гимнастическим залом. Сливки европейского и американского общества почитают за свою кровную обязанность заказать билеты на «Кронос» и отправиться в путешествие из Нью-Йорка в Саутгемптон или в обратном направлении. «Кронос» – это плавучий Вавилон! Недаром корабль получил гордое имя греческого бога времени, ибо «Кронос» не боится ничего – ни бурь, ни пиратов, ни времени! Он – непотопляем!»

* * *

Мари насладились путешествием через Атлантику. Она чувствовала, что находится в своей стихии: на последние деньги Жан заказал две каюты первого класса, они вращались в самом изысканном обществе. Маркизу де Вальтруа сопровождал ее «кузен» граф Жан де Лареми. Благо, что Жан умел схватывать все на лету, и Мари не пришлось долго биться над хорошими манерами «господина графа». На «Кроносе» их окружали люди, ворочавшие многими миллионами.

– Это Джейкоб Пи Лейстрейд, – указал Жан на невысокого господина со щеточкой седых усов и в полосатом костюме, – самый богатый человек Америки. Ему принадлежит трест, занимающийся прокладкой железных дорог по всему континенту, три подводных кабеля между Старым и Новым Светом, десять страховых компаний и четыре банка.

– Он миллионер? – с благоговением спросила Мари.

Жан криво усмехнулся:

– Мистер Лейстрейд – миллиардер. Лайнер «Кронос», на котором мы сейчас плывем, принадлежит ему, он сошел со стропил его верфи, застрахован его компанией, и рекламу этому гиганту океана делают газеты, являющиеся его собственностью.

– Увы, он женат, – добавил Жан. Мари заметила рядом с миллиардером высокую меланхоличную даму в потрясающем наряде и с жемчугами небывалых размеров вокруг дряблой шеи.

– Жена – не самое большое препятствие, но у Лейстрейда восемь детей, и его империя поделена между ними.

– Ах, как жаль, – пригорюнилась Мари, но Жан успокоил ее:

– Не стоит расстраиваться, милая моя, Америка – это настоящий кладезь богачей!

Жан оказался прав. По прибытии в Нью-Йорк Мари и ее «кузен» приняли приглашение мистера и миссис Хоунтроуп, с которыми познакомились на «Кроносе». Богатые американцы, владельцы торговой компании и нефтяных вышек, были в восторге от бертранской маркизы и ее двоюродного брата. Плененные изысканными манерами и титулами, они пригласили милых европейцев к себе в гости, предоставив в их пользование домик для гостей на территории обширного поместья на Лонг-Айленде.

– У нас все равно нет денег на отель, – сказал Жан. – А Хоунтроупы помогут нам завязать знакомства среди представителей нью-йоркского общества.

Мари великолепно играла роль юной вдовы-аристократки, которая в сопровождении кузена прибыла в Америку, дабы прийти в себя после неожиданной смерти своего супруга-маркиза. О том, что у нее имелся еще один муж, также скоропостижно скончавшийся, Мари предпочитала не упоминать.

Маркиза де Вальтруа произвела фурор и вскоре нашла себе подходящего кандидата в супруги. Им оказался Томас Колчестер, богатый промышленник из Филадельфии. Он подходил по всем параметрам: пятьдесят восемь лет, владелец многомиллионного состояния, вдовец, детей нет. Двухметровый гигант с громовым голосом и гривой рыжих волос вызывал у Мари отвращение: он обожал пиво и глупые шутки. Но Жан быстро убедил ее, что Колчестер тот, кто им нужен.

– Я выяснил, в случае его смерти мы заграбастаем не меньше пятнадцати миллионов долларов! Подумай только, Мари! Этих денег нам точно хватит до конца жизни! У него нет ни единого наследника, и ты, как его жена, получишь все! Колчестер страдает сахарным диабетом, и, несмотря на то что производит впечатление здоровяка, на самом деле тяжело больной человек. Его смерть через пару месяцев никого не насторожит!

Мари не потребовалось идти на особые ухищрения, чтобы заставить Томаса сделать ей предложение. Он на коленях просил ее руки и преподнес свадебный подарок – кольцо с розовой жемчужиной.

Свадьбу сыграли в Нью-Йорке, а затем молодожены отправились в турне по Соединенным Штатам. Жан сопровождал их, и когда Колчестер засыпал, Мари навещала любовника в его номере.

– Я больше не могу! – жаловалась на мужа маркиза. – Он рыгает за столом, чавкает и не умеет держать вилку! Его отец был мошенником и умер в тюрьме!

– Зато его сын добился успеха и богат до чертиков, – успокаивал ее Жан. – Потерпи немного, если Колчестер скончается через неделю после свадьбы, это вызовет подозрения. Необходимо подготовить благодатную почву.

Прибыв в Филадельфию, в особняк, забитый пыльными и безвкусными вещами, Мари начала изображать преданную и любящую жену. На публике она преданно смотрела в глаза Томасу, твердила на плохом английском всем, что безумно «happy with my little Tom» [3 - Счастлива с малышом Томом (англ.)], и обязательно вставляла фразу о том, что ее супруг небрежно относится к своему здоровью и сахарной болезни.

Наконец, выждав почти полтора года, Жан счел, что настал момент для кончины третьего супруга Мари. Он протянул «любимой кузине» порошок, похожий на тальк.

– «Пудра наследства», – не без ехидства заметил Лареми, – ее изготовил мой знакомый аптекарь. Это идеальное средство для убийства. Подсыпь это своему благоверному в тарелку с супом, и мы получим все его денежки!

Мари так и сделала. За ужином Томас восторгался тыквенным супом, который был сдобрен лошадиной дозой яда. В три часа ночи особняк содрогнулся от мощного рыка. Мари, которая в последние несколько недель под предлогом неважного самочувствия перебралась в отдельную спальню, поняла, что яд подействовал. Вообще-то она рассчитывала на то, что обнаружит супруга утром мертвым, а вместо этого он перебудил весь особняк.

Она заспешила в спальню к Томасу. Колчестер корчился на ковре и орал:

- О, у меня кипит в желудке! Черт возьми, что же это такое! Срочно доктора!

Набежавшая прислуга не дала Мари возможности изолировать мужа и обречь его на неминуемую кончину. Кто-то уже послал за врачом. Мари встретила медика в холле и сказала:

- Мне кажется, что Томас помутился рассудком. Наверняка это острый приступ сахарного диабета!

Врач, который обнаружил американца в бессознательном состоянии, заметил:

- Это совсем не похоже на приступ сахарного диабета, миссис Колчестер. Я бы сказал, что это... отравление!

- Отравление? - испуганно пробормотала Мари.

Этого только не хватало! Ведь аптекарь обещал, что яд подействует очень быстро и не вызовет никаких нежелательных и подозрительных симптомов. А врач говорит об отравлении.

Прибыл и «любимый кузен» Жан, который, как мог, утешал Мари. Томас скончался только ранним утром. Доктор немедленно информировал полицию и высказал свои подозрения. Мари тряслась от страха, когда узнала, что тело супруга увезли на вскрытие.

- Они найдут в его теле яд, Жан! - кричала она, запершись с любовником в кабинете мужа. - И им не составит труда понять, кто же отравил Томаса!

Жан опасливо оглянулся на дверь и прошептал:

- Мари, не кричи так громко! Аптекарь уверял меня, что яд нельзя обнаружить. Все обойдется!

Утром следующего дня, когда весть о том, что Томас Колчестер стал жертвой отравления, разнослась по всему городу, в особняк пожаловали высокие

полицейские чины. Мари, облаченная в черное платье, нервно теребила бриллиантовую брошь. По лицам незваных гостей она видела, что дело плохо.

– Миссис Колчестер, – сказал начальник полиции, – мы вынуждены сообщить вам ужасную новость. Ваш супруг, почтенный Томас Колчестер, стал жертвой гнусного убийства!

– Не может быть! – воскликнул «кузен» Жан, который присутствовал при конфиденциальном разговоре, не желая оставлять ни на минуту без присмотра «несчастную вдову».

– К сожалению, это так, мистер граф, – сказал главный патологоанатом Филадельфии. – Я лично проводил вскрытие...

– Ах! – Мари закатила глаза и сделала вид, что брякнулась в обморок.

Жан с негодованием воскликнул:

– Какая бестактность и черствость! Как вы можете в присутствии моей кузины, которая понесла столь тяжелую утрату, вести речь о таких ужасных вещах!

Мари привели в чувство при помощи нюхательной соли. Полулежа на кушетке, она срывающимся голосом произнесла:

– Прошу вас, продолжайте, я хочу знать всю правду!

– А правда такова, миссис Колчестер, – заявил патологоанатом, – что ваш супруг был отравлен смесью таллия, свинца и болиголова. Убойная штука, скажу я вам, впервые сталкиваюсь с подобным.

– Вы уверены? – с тревогой спросил «граф» Жан. – Возможно, это несчастный случай...

– Сомневаюсь, – ответил глава городской полиции, – кто-то изготовил эту токсическую смесь и намеренно подбросил ее в пищу мистера Колчестера. И мы приложим все усилия, чтобы выяснить, кто именно! Вы ведь не возражаете, миссис Колчестер, чтобы мы провели в вашем особняке обыск?

Мари в ужасе уставилась на полицейского. Тот, не мигая, смотрел на нее. Он знает! Он все знает!

– Это неслыханно! – побелев, запричитал «кузен» вдовы. – Что вы себе позволяете, ведь пойдут слухи...

– Слухи уже пошли, – отрезал шеф полиции, – и в ваших же интересах, господин граф, убедить свою кузину согласиться на обыск особняка. Уверяю вас, я могу добиться ордера от судьи, но одно дело, если вы добровольно позволите нам осмотреть дом и выйти на след убийцы, и совсем другое, когда санкцию дает судья. Вам ведь нечего скрывать от нас?

– Подождите хотя бы до похорон, – залепетала Мари. В шкатулке на ее туалетном столике лежал конверт с остатками «порошка наследства».

– Думаю, дорогая кузина, господа совершенно правы, нам необходимо разрешить им провести обыск немедленно, – сказал весомо Лареми. Мари ничего не понимала. Или Жан хочет, чтобы ее через полчаса арестовали как мужеубийцу?

– Повторяю, кузина, вы должны дать согласие. – Жан стиснул локоток Мари. Она закивала головой и выдавила из себя: – Господа, вы можете делать все, что считаете нужным!

– А вам, милая кузина, необходим бокал минеральной воды, я принесу, – сказал Лареми и выскользнул из комнаты. Он вернулся через пять минут. Полицейские тем временем начали обыск. Мари лежала на кушетке и дрожала.

– Что ты наделал, – прошептала она. – Жан, это наш конец!

Лареми потрепал ее по щеке и ответил с самодовольной улыбкой:

– Милая кузина, не стоит так волноваться, уверяю тебя, что нам нечего бояться!

Раздался топот, дверь в гостиную распахнулась, на пороге возник шеф полиции с сияющей физиономией. В руках он держал небольшой конверт с остатками порошка.

– Миссис Колчестер, мы нашли важнейшую улику! Доктор уверен, что в этом конверте – остатки яда, которым отравили вашего супруга.

Мари сделалось дурно. Если бы не Жан, который разрешил полиции провести обыск, то все бы обошлось! Она прошептала:

– Я уверена, что для этого найдется самое невинное объяснение... Все дело в том, что...

У нее пересохло в горле. Шеф полиции, словно этого не замечая, продолжил:

– Убийца схвачена! Благодарю вас, миссис Колчестер, вы и ваш кузен, мистер граф, оказали неоценимую помощь следствию!

Мари решительно ничего не понимала. Что имеет в виду полицейский? Судя по всему, он не собирается ее арестовывать, но если он говорит, что убийца схвачена...

– Кто бы мог предположить, что мистер Колчестер будет отравлен вашей горничной! – продолжал начальник полиции. – Это уникальный случай!

Жан кашлянул и заметил:

– Я должен кое-что сообщить вам, уважаемый шериф. Несколько дней назад я стал свидетелем бурной сцены между этой самой горничной и мистером Колчестером. Бессовестная девица требовала от него... у меня не поворачивается язык произнести это в присутствии моей любезной кузины... Но ради торжества правосудия я готов на все! Так вот, она хотела, чтобы Томас немедленно развелся с моей кузиной и женился на ней, в противном случае она заявляла, что или обнародует их любовную связь, или... Или убьет его!

Мари не верила своим ушам. И как яд оказался у горничной? Ее осенило – Жан подсунил девушке конверт, когда выходил, чтобы принести бокал воды. Мари бросило в жар, а затем в холод.

Ларемби как ни в чем не бывало продолжал:

– Шериф, я готов сделать официальное заявление и выступить в качестве свидетеля обвинения. Мне ужасно жаль дорогую кузину, но, похоже, она – единственная, кто не знал, что мистер Колчестер заводит на стороне интрижки и флиртует с горничной!

Шериф погладил усы и произнес:

– Мистер граф, опираясь на ваше свидетельство, прокуратуре не составит труда выиграть процесс. Я приношу вам самые глубочайшие соболезнования и благодарю за неоценимую помощь следствию!

Полицейские распрощались и удалились. Жан, заняв позицию около окна, комментировал происходящее:

– Они выводят горничную, она плачет и кричит... На руках у несчастной наручники. Сомнений нет, дорогая кузина, что эта мерзавка отравила вашего разлюбезного супруга.

– Но ведь из-за нас в тюрьму отправится невинный человек, – в страхе произнесла Мари. – Жан, может быть...

Лареми со смешком заявил:

– Ты предпочтешь рассказать полиции правду? Тогда на месте этой горничной окажешься ты, разлюбезная моя кузина. Никто не будет церемониться с тобой, тебя приговорят к многим годам каторги, а то и к смерти.

Мари заплакала. Ей было жаль бедняжку горничную, но Жан был абсолютно прав. У них нет другого выхода: если бы полиция не «наткнулась» на улики в комнате служанки, она бы всерьез принялась за обработку вдовы покойного. А так следствие завершилось, не успев и начаться.

* * *

Американская газета «Philadelphia Chronicle», 16 мая 1897 года:

МЕСТЬ ПОДЛОЙ ГОРНИЧНОЙ:

СЛУЖАНКА ОТРАВЛЯЕТ ХОЗЯИНА!

«Молодая и безутешная вдова, миссис Колчестер, до замужества – маркиза де Вальтруа, со скорбным негодованием поведала нам о страшном злодеянии, которое учинила в ее доме ревнивая горничная. Бесстыжая девица попыталась соблазнить мистера Колчестера и, получив отпор, прибегла к помощи поистине убойного аргумента – яда! Шокированная общественность требует для отравительницы самого жесткого наказания!»

* * *

Жан сдержал свое слово и выступил свидетелем обвинения на шумном процессе. Никто не поверил горничной, которая сквозь слезы твердила одно и то же – она никогда не состояла в любовной связи с хозяином и не думала отравлять его. Предыдущая хозяйка, на которую работала девушка, подлила масла в огонь, заявив, что уволила ее из-за того, что та приставала к ее старшему сыну и подворовывала. Этого вполне хватило, чтобы двенадцать присяжных вынесли единодушный приговор: «Виновна». Суд отметил особую циничность преступления и приговорил девицу к тридцати пяти годам тюремного заключения. Спустя полгода несчастная скончалась от воспаления легких.

Горничная стала еще одной жертвой на пути преступной парочки к вожделенному богатству. Каково же было разочарование Жана и Мари, когда адвокаты огласили завещание усопшего мистера Колчестера.

Все свое состояние он отписал нескольким приютам для бездомных и филантропическим организациям. «Милая супруга Мари» получала небольшую ежегодную ренту, а также огромный и аляповатый портрет матушки мистера Колчестера.

Жан был вне себя, он, как разъяренный тигр, ходил по комнате из угла в угол и поливал грязью покойного Колчестера. Мари методично пересчитывала деньги: их капитала хватит всего на три месяца привычной жизни, а затем наступят тяжелые времена.

– Судьба словно смеется над нами! – сказал Лареми. – Мари, нам нужно действовать!

Они немедленно принялись за поиски четвертого супруга. Маркиза де Вальтруа и ее «кузен», «граф» де Лареми, покинули Филадельфию и отправились в столицу Америки, город Вашингтон. Газеты захлеб писали о несчастной, понесшей трагическую потерю бертранской аристократке, отмечая ее «непередаваемую» красоту и «европейский» шарм.

Мари и Жан регулярно появлялись на всех значимых приемах, их цель была найти новую жертву. Как назло, жених никак не объявлялся. Деньги стремительно подходили к концу, Мари думала над тем, что совсем скоро придется возвращаться в Европу – причем не на роскошном лайнере в каюте первого класса, а на переполненном старом корыте в трюме ниже ватерлинии.

На последнем званом ужине Мари судорожно осматривалась в поисках человека, который смог бы принести ей и Жану избавление от нищеты и финансовую независимость. Все мало-мальски богатые американские сенаторы были давно женаты, и никто из них не хотел разводиться ради маркизы из Европы.

– Ваше сиятельство, – услышала она французскую речь и обернулась. Перед ней замер худощавый, облаченный во все черное мужчина лет пятидесяти. – Разрешите выразить мне соболезнования в связи с постигшей вас утратой. Шарль Буарже к вашим услугам!

Буарже оказался послом Бертрана в Новом Свете. Он весь вечер проговорил с Мари, и она была уверена – посол на нее клюнул! Шарль не был женат, поэтому неудивительно, что обратил внимание на знаменитую соотечественницу.

Мари, в совершенстве владевшей искусством обольщения, не составило труда вскружить голову незадачливому послу, и три месяца спустя, не дожидаясь завершения траура по Томасу Колчестеру, они сыграли пышную свадьбу.

Мари сделалась госпожой посольшей и переехала в роскошный особняк – дипломатическую миссию Великого княжества Бертранского. Ее «кузен» Жан получил место личного секретаря посла. Первым делом мошенники убедились в том, что Буарже составил завещание в пользу жены. Он не был богатым

человеком, и его смерть могла принести им не более ста тысяч франков.

– Как мы измельчали! – стенала Мари. – Этих ста тысяч хватит едва ли на полгода! А что дальше, Жан?

Лареми предложил хитроумную комбинацию: Мари окольными разговорами склонила посла к тому, чтобы он застраховал свою жизнь в ее пользу на миллион. Однако возникло непредвиденное препятствие: полис не выплачивался в случае убийства и самоубийства.

– Никто не должен заподозрить в смерти Шарля злого умысла, – размышлял Жан. – У тебя не так давно скончался очередной супруг, и новая смерть обязательно вызовет недоверие и подозрения.

– Но что ты предлагаешь? – спросила Мари. Жан изложил ей свой план. Он был до гениального прост.

– Твой супруг-посол должен скончаться далеко от Америки, – заявил Жан.

Мари недоверчиво спросила:

– Но как это сделать?

«Кузен» пояснил:

– О, нет ничего невозможного, Мари. Кажется, через месяц твой благоверный собирается в Бертран для консультаций с великим князем. Думаю, самое время тебе в очередной раз надеть траур!

Шарль заказал билеты на «Кронос», сетуя, что его дорогая жена по состоянию здоровья не может отправиться в путешествие. Мари протянула мужу пузырек с желатиновыми капсулами.

– Дорогой, это новое патентованное средство, которое как рукой снимает желудочные колики. Надо принимать по одной утром и вечером.

Почти все капсулы, за исключением нескольких на самом верху, были нашпигованы стрихнином. Жан верно рассчитал, что, если господин посол скончается по пути в Европу или даже уже прибыв в Бертран, никто не посмеет связать его кончину с женой, оставшейся за тысячи миль в Америке.

– Как я тебя люблю, дорогая! – сказал Шарль, целуя жену. Мари даже всплакнула – Буарже ей нравился, но им с Жаном требовалась миллионная страховка.

– Я вернусь через три недели, и мы снова будем наслаждаться семейным счастьем! – произнес посол, и Мари воскликнула:

– Доброго пути, мой любимый. И не забудь ради меня регулярно принимать желудочные капсулы!

Больше мужа Мари никогда не увидела. Два дня спустя вышли экстренные выпуски газет с аршинными заголовками.

* * *

Британская газета «The Times», 9 ноября 1898 года:

«КРОНОС» ЗАТОНУЛ!

БОЛЕЕ ДВЕНАДЦАТИ СОТЕН ЖЕРТВ!

САМЫЙ БОЛЬШОЙ КОРАБЛЬ ПОКОИТСЯ НА ДНЕ АТЛАНТИКИ НА ГЛУБИНЕ 63 000 ФУТОВ!

«Непотопляемый лайнер отправился на дно! «Кронос» стал жертвой гигантского айсберга! Мир ужаснулся: тысяча двести жертв в результате самой крупной катастрофы на море!»

* * *

Лайнер напоролся в тумане на ледяную гору и затонул в Атлантике, унеся жизнь многих пассажиров. В числе без вести пропавших был и Шарль Буарже, посол Великого княжества Бертранского в Соединенных Штатах. Мари так и не узнала, скончался ли ее супруг от капсулы со стрихнином, утонул или погиб от переохлаждения в ледяных водах океана – неделю спустя, когда окончательно стало ясно, что в числе двухсот спасшихся Шарля нет, она предъявила страховому обществу требование о выплате миллиона долларов.

Но страховая компания разорилась, потому что и прочие родственники погибших желали получить весомые выплаты. Директор общества объявил о финансовой несостоятельности и пустил себе пулю в лоб.

– Мы снова остались ни с чем! – вопила Мари. – Шарль завещал мне все свое состояние, но это всего лишь сто тысяч франков. Жан, нам нет счастья в Америке, я хочу немедленно вернуться в Европу!

Они снова оказались в Бертрране. Мари подвела неутешительный итог: ей почти двадцать четыре, она четырежды вдова, а денег как не было, так и нет! И ко всему этому она еще и беременна!

Жан не хотел ребенка, но поделаться ничего не мог. Мари знала, что это – отпрыск Лареми, однако во избежание скандала заявила, что беременна от покойного Шарля. В феврале 1899 года она родила девочку, которую нарекли Маргаритой.

Мари сняла небольшую виллу на окраине княжества и попыталась изображать из себя заботливую мать. Ее хватило ненадолго. Заботы о малышке Маргарите тяготили Мари, ей хотелось развлечений, балов и новых нарядов.

Ее регулярно навещал епископ Бертранский, который крестил Маргариту. А однажды святой отец сразил Мари признанием:

– Маркиза, я вас люблю!

Он был готов сложить с себя церковный сан, чтобы иметь возможность жениться на Мари. Жан одобрил эту идею.

– Епископ – наследник крупного состояния, Мари, у него не меньше трех миллионов. Если он сам плывет к нам в руки, то глупо не воспользоваться подобной возможностью.

Весть о том, что епископ Бертранский покидает лоно церкви и женится на скандально известной маркизе де Вальтруа, стала сенсацией. Жители княжества разделились на два лагеря – одни проклинали Мари, называя ее ведьмой и обвиняя в том, что она околдовала кроткого священника, другие поддерживали, заявляя, что настала пора женского равноправия и прошло время церковных догм.

* * *

Ватиканская газета «L'Osservatore Romano» о сложении епископом д'Арбиньяком церковного сана, 1 июня 1900 года:

ИЗ ПАВЛА В САВЛЫ!

«Подобный прискорбный инцидент вызывает горечь, непонимание и даже негодование – как может служитель господи отказаться от своей высокой миссии, поддавшись мирским соблазнам и женским чарам? Его святейшество папа Лев XIII рассматривает возможность отлучения бывшего епископа от церкви...»

* * *

Бывший епископ, в миру Антуан д'Арбиньяк, вместе со своей женой и падчерицей поселился на вилле недалеко от великокняжеского дворца. Молодой властелин Бертрана, Мишель-Оноре II, проводил политику отделения церкви от государства и покровительствовал сбросившему ризы прелату.

Мари занялась богоугодными делами, открыла столовую для нуждающихся, где те могли получить миску с горячим супом или кружку какао. Вместе с Жаном они планировали очередную смерть – экс-епископ выполнил свою роль, отписал все свое состояние супруге, и никто и ничто не могло помешать Мари после его

кончины сделаться чрезвычайно богатой вдовой.

Перед тем как отравить д'Арбиньяка, Мари опробовала различные яды на нищих, которые питались в столовой. Смерть нескольких бродяг не привлекла особого внимания, зато она знала, какая отравка действует быстрее всего и не оставляет следов.

Бывший епископ стал личностью поистине легендарной, люди по-прежнему видели в нем церковного иерарха и почитали едва ли не за святого. Мари, его жена, тяготилась подобной ролью, и более всего ее злило, что Антуан без зазрения совести тратит деньги направо и налево, помогая всем, кто только обращается к нему за помощью.

– Дорогая, – сказал он как-то, – я хочу пожертвовать двести тысяч на обустройство приюта для сирот. Ты ведь не возражаешь?

Мари, чувствуя, что находится на грани обморока, проскрипела:

– Антуан, прошу тебя, хорошенько подумай, прежде чем идти на такой шаг! Двести тысяч – это огромная сумма, поэтому...

– О, ты права, моя любимая жена! – воскликнул бывший епископ. – Сумма большая, но недостаточная! Я пожертвую полмиллиона! Мари, как ты добра и прозорлива! Я каждый день благодарю господу за то, что он послал мне тебя!

Мари была вынуждена наблюдать за тем, как Антуан д'Арбиньяк отписал полмиллиона франков детскому приюту.

– Жан, – торопила она любовника, – так не может больше продолжаться, вскоре он приведет к нам в дом прокаженных и сумасшедших и заявит, что им там самое место! Нам надо немедленно действовать!

Экс-епископ пил на ночь теплое молоко.

– Дорогой, – протягивая мужу стакан, сказала Мари, – вот твой любимый напиток.

Она наблюдала за тем, как Антуан осушил его до дна. А следующим утром она обнаружила в кровати рядом с собой бездыханное тело. Горе подданных Бертрана не поддавалось описанию: все, от мала до велика, скорбели, когда узнали о внезапной смерти бывшего епископа. Врачи констатировали сердечную недостаточность, а Мари со слезами на глазах во время похорон заявила:

– В который раз подтвердилась мудрость, что господь забирает к себе самых лучших в расцвете сил!

Ее ожидания оправдались – ей достались остатки состояния д'Арбиньяка. Мари была разочарована, она получила меньше миллиона. Этих денег хватило на два с половиной года развеселого существования.

Наконец настал момент, когда Жан Лареми, снова просаживавший в рулетку и покер огромные суммы, сказал:

– Мари, у меня на примете есть новый супруг, директор игорного траста. Он очень богатый человек, думаю, после его смерти нам не придется больше заботиться о куске хлеба. Ему принадлежит три самых крупных казино в Бертроне, а их ежегодный оборот – многие миллионы франков.

Мари снова отправилась на охоту. Господин директор игорного траста был непоседливым, желчным человечком. Он едва доставал Мари до плеча своей макушкой, увенчанной подозрительно черными волосами, которые оказались париком. Завоевать его внимание было не так-то просто: все пятьдесят пять лет своей жизни он посвятил выстраиванию империи казино, и времени интересоваться матримониальными вопросами у него просто не было. Он всегда куда-то спешил, даже ел на ходу и не мог усидеть на месте более трех секунд.

И все же через полгода отчаянных усилий директор сделал Мари предложение: голоском-стаккато, подпрыгивая и вертясь во все стороны, он заявил:

– Милая, вы должны стать моей женой! Венчание через две недели, займитесь этим, а мне пора!

И он, как шарик в рулетке, укатился прочь. Мари была довольна, на этот раз Жан оказался прав: месье директор был одним из самых богатых людей княжества. Его смерть принесет ей не только изрядное наследство, но и контрольный пакет

акций игорного траста, который контролирует самые прибыльные казино Бертрана.

– Мы не успеем потратить все деньги, потому что глупые и охочие до легкой наживы люди будут постоянно оставлять в принадлежащих нам заведениях все новые и новые миллионы, – радовался Жан.

Мари ощутила признаки новой беременности. И опять отцом ребенка был Лареми: у ее супруга не оставалось времени на интимное общение. Мари правильно рассудила, что если директор скончается в то время, когда она будет ходить с большим животом, то это только поможет ей отвести от себя подозрения.

Отравить мужа оказалось нелегко. Он практически не бывал дома, проводя дни и ночи в казино и контролируя безотказную работу созданной им империи развлечений. Поэтому Мари послала мужу кусок торта, нашпигованный строфантинном.

Но вместо супруга скончался один из его помощников, который съел торт: у господина директора даже на это не было времени, и он оставил сдобную отраву у себя в кабинете.

Мари возлагала большие надежды на празднование дня рождения мужа, она подсыпала ему в шампанское цианистый калий, но супруг, выслушав тост в свою честь, и не подумал отхлебнуть из бокала, а, поставив его на стол, произнес:

– Милая, я в восхищении от твоих стараний, но мне пора!

На третий раз все получилось. Муж с легким сердечным приступом слег на несколько дней, а заботливая жена кормила его куриным бульончиком. Ложку за ложкой она запихнула в директора игорного траста убойную дозу настойки белладонны. Через два часа Мари в шестой раз сделалась вдовой.

По привычке облачившись в черное и утирая сухие глаза платочком, она выслушивала монолог доктора, который убеждал ее, что симптомы смерти ее супруга не похожи на кончину от сердечного приступа.

– О, если это не сердечный приступ, значит, что-то иное, например, удар или больные почки, – сказала Мари, не сомневаясь, что ей и в этот раз удастся выйти сухой из воды. В конце концов, у нее была обширная практика в области отравлений.

– Я думаю, что это нечто иное, – сказал доктор и добавил: – Например, отравление! Поэтому я не могу подписать свидетельство о смерти вашего супруга, пока не будет произведена детальная экспертиза.

– Ах, какой кошмар! – закатила глаза Мари. – Вы хотите разрезать несчастного! Ведь и так понятно, что его смерть – это результат постоянных перегрузок! Организм просто не выдержал такого ритма жизни!

Появился «кузен» Жан, который взял доктора под руку и сказал:

– Моя дорогая кузина хотела сказать, что полностью поддерживает ваше намерение позволить истине восторжествовать. Но перед тем, как вы отправитесь в морг, господин доктор, не откажитесь ли отобедать с нами?

На свою беду, доктор не отказался. Мари поставила перед ним тарелку с грибным супом (он содержал по большей части бледные поганки) и сказала:

– Приятного аппетита, господин доктор!

Несчастный эскулап скончался за столом, так и не докушав грибной супчик. Мари заявила прислуге, что господину доктору стало плохо.

– Наверняка он принял близко к сердцу кончину моего возлюбленного мужа. Какое горе, какое горе!

Но, несмотря на красноречие Жана, полиция не пожелала довольствоваться таким нелепым объяснением второй смерти в особняке маркизы де Вальтруа в течение одних суток. Мари, на восьмом месяце беременности, металась по вилле, уничтожая улики, пока полицейские совещались в столовой, осматривая тело доктора.

Затем наступило затишье. Мари и Жан перевели дух. Полиция заявила, что доктор, и в этом нет ничего удивительного, скончался от застарелой болезни сердца.

– Ура, дорогая моя! – Лареми похлопал Мари по округлившемуся животу. – Это наше последнее преступление. Ты выйдешь замуж в седьмой раз, и на этот раз за меня. Но учти, милая, я не люблю грибной суп!

* * *

Их арестовали два дня спустя глубокой ночью. Мари проснулась от оглушительного стука и грубого, навевающего ужас крика:

– Немедленно открыть, полиция!

В спальне, где она и Жан нежились под одним одеялом, вдруг возникли облаченные в темно-зеленую форму с золотыми пуговицами чиновники полицейского ведомства. Мари, набросив на себя халат, дрожала от страха. Жан, бледный и с горящим взглядом, путано объяснял, что зашел к «кузине» всего на минутку, чтобы узнать, «как у нее дела».

– И поэтому вы оказались в кровати у маркизы де Вальтруа? – осведомился с циничной улыбкой один из чиновников и протянул Мари лист бумаги, под которым стояла размашистая чернильная подпись.

– Постановлением генерального прокурора Великого княжества Бертранского вы, мадам де Вальтруа, и вы, месье Лареми, незаконно именуемый себя графом де Лареми, подлежите аресту по обвинению в убийстве господина директора игорного траста Доминико Феррата и доктора медицины Лодовико Чичиньоли! Вас надлежит доставить в полицейский участок, где вы будете подвергнуты допросу!

Мари никак не могла поверить, что всему настал конец. Она надеялась: арест окажется ошибкой, их отпустят, и начнется прежняя беззаботная жизнь. Вместо этого ее поместили в тесную вонючую камеру, а затем в течение десяти часов допрашивали пятеро следователей. И только то, что она упала в обморок, прервало истязание.

У Мари случились преждевременные роды, тюремный врач помог появиться на свет еще одной дочери. Ребенка она не видела, его сразу унесли прочь.

– Я хочу видеть мою дочь! – кричала Мари.

Следователь отвечал:

– Если хотите видеть дочь, признайтесь во всех совершенных преступлениях.

– Я не совершала никаких преступлений, – твердила Мари, которая, казалось, и сама уверовала в это. Она никогда не рассматривала то, что делала, с точки зрения закона. Ей просто хотелось получить деньги очередного мужа, и она избавлялась от него, как от надоедливой мухи.

– Не совершали? – изумленно повторил следователь. – А ваш любовник и сообщник Жан Лареми утверждает обратное. Экспертиза показала, что ваш последний супруг, господин директор игорного траста, был отравлен! На днях будет произведена эксгумация тел бывшего епископа д'Арбиньяка, а также второго супруга, банкира Луи Созаро. Касательно кончины вашего первого мужа, маркиза де Вальтруа, у нас имеются показания двух его кузин, которые под присягой подтвердили, что в ночь, когда он испустил дух, они слышали крики и стоны и видели, как вы со служанкой, кстати, позднее кем-то убитой, уничтожали следы преступления. А ваш американский супруг Томас Колчестер? То, что он стал жертвой отравления, хорошо известно, но вы отправили на каторгу и обрекли на мучительную смерть несчастную и ни в чем не повинную, оклеветанную девушку! Кроме того, вы убили доктора, который был готов вскрыть ваши злодеяния. Маркиза, вы – глубоко безнравственная и падшая женщина! У вас есть шанс сохранить себе жизнь, если вы немедленно во всем признаетесь!

Мари, которая находилась в полубессознательном состоянии после тяжелых родов, призналась во всем. Ее перевели в тюрьму, Святую БERTУ, одинокий замок на голой скале, расположенный на крошечном островке в бухте княжества. Она поняла, что стала знаменитостью: десятки женщин, которые отбывали там наказание за жуткие преступления наподобие мужеубийства, подпольных абортов и проституции, относились к ней с благоговением и небывалым уважением.

Еще бы, ведь это «та самая» маркиза де Вальтруа, «черная вдова», порождение сатаны и убийца восемнадцати человек! Следствие было уверено, что на самом деле жертв куда больше, но доказать это оно было не в состоянии.

Мари встретила с Жаном на очной ставке: из самоуверенного молодого красавца с черными усами и офицерской статью он превратился в седого, косматого, заросшего клочковатой бородой старика, который твердил, что ни в чем не виновен.

– Это все она, она, она! Убийца! Это она соблазнила меня, с этого все и началось! Она! Поверьте и сохраните мне жизнь! Она заключила союз с нечистым! Уверен, она бы и меня отравила!

Жан указывал на нее трясущимся пальцем с крючковатым желтым ногтем и, пуская изо рта слюни, валил все грехи на Мари. Она так и не поняла – то ли он действительно тронулся рассудком, то ли так убедительно играл роль буйнопомешанного, желая избежать гильотины.

Гильотина – вот о чем шептались в Святой Берте. «Старая мадам» ждет свою подружку – еще никогда доселе в Бертроне не казнили женщину. И все шло к тому, что Мари-Маргарита де Вальтруа станет первой, чья тонкая шейка хрустнет под трехсоткилограммовым лезвием.

Мари держалась вызывающе. Она поняла, что терять ей нечего. Она и так вошла в историю, газеты всего мира писали о ней, на Лазурное побережье пожаловало не меньше ста репортеров из сорока стран, чтобы лично наблюдать за грандиозным судебным процессом.

Публика была в восхищении от обвиняемой. Казалось, люди пленены ее многочисленными преступлениями, а по княжеству прокатилась волна отравлений: многие женщины, подражая маркизе, избавлялись от опостылевших супругов, престарелых родителей и несносных соседей.

Мари приняла приговор безропотно. Она знала, что остается последняя инстанция – великий князь Мишель-Оноре, который слывет либералом. Он может помиловать ее и даровать ей жизнь: но что это за жизнь в Святой Берте в течение последующих сорока или пятидесяти лет?

Более всего Мари угнетало то, что она не может видиться с дочерьми. Раньше она не уделяла им должного внимания, но теперь ей хотелось прижать девочек к груди и просто помолчать. Следователи объявили, что она лишается материнских прав, а дети передаются в ведение Министерства социальных реформ.

– Вы не имеете права видеть их, маркиза, – было заявлено ей. – Государство приложит все усилия для того, чтобы девочки обрели новые семьи и навсегда забыли о том, что у них была преступная мать!

После оглашения смертного приговора Мари доставили в Святую Бертю и заперли в одиночной камере. Привилегия обреченных на свидание со «старой мадам» заключалась в том, что зарешеченные окна «каменного мешка» выходили на княжество. Мари видела сверкающие дворцы, виллы и казино.

Ведь все это могло бы принадлежать ей! Но вместо роскошной жизни ей суждена смерть. Она не боялась гильотины, ей было невыносимо больно сознавать, что ее дочери, Маргарита и Мари, вырастут без нее и никогда не узнают, кем была их мать. Но, может быть, это и к лучшему?

* * *

Миновало три дня. Ранним утром, когда сизый туман окутал остров и заползал в камеры, а кости ломило от сырости и октябрьского холода, тяжелая железная дверь камеры с пронзительным скрипом распахнулась. Мари всю ночь не могла сомкнуть глаз и задремала только на рассвете.

На пороге возник директор тюрьмы в сопровождении охранников.

– Госпожа маркиза де Вальтруа, вам известно, что сегодня в полдень состоится ваша казнь? Сейчас вам подадут завтрак, а затем помогут одеться. У вас имеется последнее желание?

Мари содрогнулась. Пришла пора умирать!

– Я хочу провести хотя бы пять минут наедине с моими дочерьми, – произнесла она внезапно севшим голосом.

Директор тюрьмы качнул головой и ответил:

– Это невозможно. Однако... Ваши дочери будут присутствовать во время процедуры...

– Нет, я не хочу, не желаю, запретите это! – взмолилась Мари.

– Таково постановление суда, и не в моих силах его отменить, – сказал директор. Он потрепал Мари по плечу и добавил: – Мужайтесь, госпожа маркиза. У вас все еще есть последний шанс – его высочество великий князь Бертранский Мишель-Оноре с супругой будут присутствовать при приведении приговора в исполнение, а это значит, что он в любой момент может остановить казнь и помиловать вас!

Мари подали ее последний завтрак: вместо обычного ржаного хлеба и плохо проваренного зеленого картофеля, перемешанного с рыбьей чешуей и костями, перед ней стояла фарфоровая тарелочка с тремя булочками, мармелад, сливочное масло, сыр «Пармезан» и серебряный кофейник, наполненный ароматным напитком.

На грубый лежак положили накрахмаленное белое платье и черный чепец. Одежда приговоренной к смерти!

– Желаю вам приятного аппетита! – произнес директор тюрьмы и удалился. Железная дверь за ним захлопнулась, и Мари с тоской посмотрела на поднос с завтраком.

Ее последним завтраком. Или все же великий князь Мишель-Оноре помилует ее?

* * *

Коста-бьяннская газета «El Mercurio de Elparанso», 4 октября 1903 года:

КАЗНЬ МАРКИЗЫ МАРИ-МАРГАРИТЫ ДЕ ВАЛЬТРУА!

БУДЕТ ЛИ ПОМИЛОВАНА ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ОТРАВИТЕЛЬНИЦА?

«Стоит чудесный день, какой часто выдается на Лазурном побережье в начале октября. Солнце разогнало густой утренний туман, мерно плещется море. Пора отдыха и неги. На сегодня назначена казнь маркизы Мари-Маргариты де Вальтруа и ее сообщника Жана Лареми.

Ваш покорный слуга присутствует на площади подле собора Святого Иоанна: светломраморная громада устремлена в небо, сверкают золотые кресты. Святой Иоанн считается небесным патроном Бертрана и династии Гримбургов – Иоанном звался первый великий князь, коронованный в 1329 году. Площадь в форме морской звезды оцеплена конными полицейскими. Поглазеть на кровавую казнь собралось не менее пяти тысяч человек: если учесть, что население крошечного княжества всего семь тысяч, то можно представить, какое значение предается сегодняшнему событию.

Публика в нетерпении. Я нахожусь в секторе для представителей прессы. Получить пропуск и оказаться свидетелем казни было не так-то просто: можно подумать, что ожидается какое-то важное и памятное событие в истории княжества, а не мрачная и трагическая церемония приведения в исполнение смертного приговора.

Посреди площади расположен деревянный помост, задрапированный черной тканью. На нем возвышается она – «старая дама». Гильотина представляет собой сооружение в виде большого прямоугольника; косое лезвие нестерпимо сверкает в лучах солнца.

Что выражают лица бертранцев? Каково их отношение к предстоящему действию? Разумеется, они полны негодования и справедливого гнева по отношению к маркизе, вина которой полностью доказана и не вызывает ни малейшего сомнения. Казни проводятся два раза в год – поздней весной и ранней осенью. Но еще ни разу на эшафот не поднималась женщина, тем более столь прелестная и титулованная, как маркиза де Вальтруа.

Я вижу радость, сомнение и жалость. Значит ли это, что подданные великого князя Мишеля-Оноре подспудно ждут помилования маркизы? Это не будет означать, что она получит свободу; напротив, ей придется провести остаток жизни в страшной тюрьме-замке Святая Берта.

Великий князь почтил своим присутствием церемонию казни, и это внушает надежду поборникам отмены кровавой церемонии. За три года своего правления (Мишель-Оноре Второй Гримбург-Сфорца д'Анжу Валуа взшел на престол 8 августа 1899 года после кончины своего отца, Виктора Третьего, правившего княжеством без малого пятьдесят лет) он успел доказать всему миру, что способен проявлять милосердие и сострадание и что его правление ознаменовало собой не только начало нового века, но и начало новой эпохи в истории страны. Он часто прибегает к праву помилования, придерживаясь точки зрения, что любой человек, в том числе и закоренелый преступник, имеет право на жизнь и на раскаяние.

Его княжеское высочество находится в особой ложе, украшенной пурпурным бархатом с золотым гербом династии – замершим в прыжке крылатым львом. В распоряжении вашего покорного слуги находится крошечный театральный бинокль, который позволяет во всех деталях рассмотреть властелина кукольного княжества.

Мишелю-Оноре двадцать семь лет. Это статный, с военной выправкой молодой человек: темные вьющиеся волосы, высокий чистый лоб и римский нос (форма носа – это фамильная гордость средиземноморской династии; по легенде, они унаследовали ее от императора Карла Великого) выдают в нем одного из Гримбургов. Он облачен в парадную военную форму: князь имеет звание генерала и верховного главнокомандующего войсками страны. Отмечу, что в течение последних четырехсот лет Бертран ни разу не участвовал в активном вооруженном противостоянии.

Блестят золотые эполеты, грудь украшают многочисленные ордена, белый мундир пересекает алая муаровая лента. Мишель-Оноре задумчив и спокоен. Он понимает, что его слово – последнее в разыгрывающейся драме.

Возле венценосного супруга находится великая княгиня Элен, урожденная Елена Павловна из рода Романовых, троюродная сестра нынешнего русского императора Николая Второго. Свадьба Мишеля-Оноре и близкой родственницы властелина самой большой и богатой страны мира пять лет назад привлекла всеобщее внимание, и ваш покорный слуга делал подробный репортаж с церемонии бракосочетания и последующих помпезных торжеств.

Елена Павловна, прелестная и грациозная представительница европейской аристократии и мать будущего великого князя Виктора Четвертого, которому месяц назад исполнилось три года, является всеобщей любимицей. Она давно завоевала сердца подданных княжества, каждый раз, когда она появляется на балконе дворца или выходит в народ, ее встречают одобрительными криками и приветствиями.

Великая княгиня на два года моложе своего коронованного супруга. Лицом она напоминает знаменитую Сикстинскую мадонну кисти гениального Рафаэля. Бесспорно, это самая красивая монархиня Старого Света: высокая, с гордой статью, темными волосами и чуть раскосыми изумрудными глазами. Ее высочество облачена в газовое платье черного цвета, что выражает несомненную скорбь и ее личное отношение к происходящему. Вокруг шеи вьется драгоценное ожерелье из черного жемчуга, а в волосах сверкает низкая диадема из уральских бриллиантов и бирманских сапфиров. Княгиня обмахивается большим веером из страусиных перьев, хотя сегодня совсем не душно. Она волнуется, и это волнение передается всем окружающим.

Елена Павловна провела детство и юность при дворе в далеком Санкт-Петербурге. С Мишелем-Оноре, тогда наследником престола, она познакомилась на бриллиантовом юбилее восшествия на престол королевы Виктории, они сразу полюбили друг друга: неудивительно, что спустя всего несколько месяцев было объявлено о помолвке, и потребовалось меньше года, дабы принцесса из загадочной России и будущий владетельный князь крошечной страны Средиземноморья заключили брачный союз.

Единственная проблема молодой княгини заключалась в том, что ей требовалось перейти из православия в католичество, и расставание с верой предков далось ей нелегко. Но, следуя принципу, что Париж стоит мессы, а корона Бертрана – тем более, Елена Павловна посетила в Ватикане святейшего папу Льва Тринадцатого, где имела продолжительную беседу с девяностолетним понтификом. Видимо, он нашел убедительные слова, и русская княжна приняла обряд католического крещения.

Ваш покорный слуга только что упомянул, что великий князь Мишель-Оноре женат на русской принцессе Элен, а ее родной брат, князь Кирилл Павлович, взял несколько лет назад в супруги единственную сестру бертранского монарха Шарлотту-Агнес. Таким образом Гримбурги и Романовы породнились еще раз.

Старший брат Елены Павловны заключил брачный союз с младшей сестрой Мишеля-Оноре. Великокняжеская чета обитает то в Париже (Кирилл Павлович слывет русофобом и поклонником всего заграничного и, кроме того, является одним из самых усердных критиков самодержавного режима своего троюродного брата, императора Николая, выступая в поддержку конституционной монархии по принципу английской или бертранской), то в Петербурге: и там, и здесь они живут в обставленных с византийской роскошью дворцах.

Кирилл Павлович, тридцати лет от роду, является тринадцатым в иерархии престолонаследования империи Романовых. Шанс, что он когда-либо станет русским царем, равен нулю, и он понимает это как никто другой. Поэтому он и ведет блестящую светскую жизнь, его холостяцкие эскапады и шумные вечеринки в свое время были лакомым кусочком для пронырливых журналистов. Впрочем, надо отдать должное целебному воздействию на его привычки женитьбы на бертранской княжне: Шарлотта-Агнес и Кирилл Павлович являются образцовой парой, они нежно и преданно любят друг друга, и их семейную жизнь не омрачает ни один скандал.

Русский великий князь, одетый, как и его бертранский зять, в сверкающую гала-униформу, очень похож на свою сестру Элен: те же черные напомаженные волосы, классические черты лица и печать величия на всем облике. Однако, если приглядеться, то можно заметить, что лицо князя выражает скуку и легкое презрение к окружающим, капризная линия рта и чуть срезанный подбородок выдают склонность Кирилла Павловича к опасным увлечениям и сладострастию, а небольшие холеные усики и косые бакенбарды по последней английской моде делают его похожим на бездумного щеголя.

Его супруга, двадцатитрехлетняя Шарлотта-Агнес, урожденная княжна Гримбург, находится по правую руку от мужа. Она, как обычно, задумчива и печальна: ваш покорный слуга помнит ее веселой и озорной шалуньей, которая охотно предавалась детским проказам и забавным играм. Конечно, с той поры прошло более десяти лет, и она разительно переменялась. Эти годы принесли много перемен: скончался ее горячо любимый отец, великий князь Виктор III, на престол взошел ее старший брат Мишель-Оноре, она познакомилась во время официального визита в Петербург с Кириллом Павловичем, затем там же, в русской столице, сыграли свадьбу.

Шарлотта-Агнес вступила в брак в возрасте неполных девятнадцати лет, и за эти четыре года ей пришлось многое испытать: она произвела на свет двух мертворожденных младенцев. Это был настоящий удар для хрупкой княгини, которая страстно желает стать матерью, однако то ли природа, то ли господь бог никак не могут исполнить это сокровенное и, казалось бы, столь простое желание.

Супруга русского князя, как и Елена Павловна, облачена в черное платье, однако из украшений у нее только золотой обруч с вкраплениями кровавых рубинов в волосах. Княгиня то и дело обращается к своему супругу, а тот с ленивой улыбкой и гримасой пресыщенности что-то ей отвечает.

И вот слышится гул, который, подобно волне, катится по людской массе, что собралась на площади возле собора Святого Иоанна. Ваш покорный слуга устремляет свой взор на улицу, которая поднимается от набережной: видна черная карета, запряженная двумя серыми лошадьми.

Это значит, что маркиза де Вальтруа с минуты на минуту окажется на эшафоте! Наступает кульминация, люди вертят головами, вспыхивают драки из-за права протиснуться ближе к коридору, который конные и пешие полицейские образовали для кареты с приговоренной к смерти.

Великий князь Мишель-Оноре кладет руку на эфес сабли, притороченной золотым кушаком к его парадной форме, к нему почтительно обращается премьер-министр, низенький старичок с ухоженной седой эспаньолкой, в цивильном костюме и с орденом Богородицы, высшей наградой княжества.

Глава кабинета правительства наверняка адресует великому князю все тот же вопрос, что занимает и всех нас: будет ли помилована Мари-Маргарита де Вальтруа. Вашему покорному слуге видно, как Елена Павловна с мольбой во взоре апеллирует к супругу, к разговору подключается ее брат, Кирилл Павлович. Его узкие губы расплываются в циничной улыбке, сверкают ровные белоснежные зубы, Романов делает изящный жест рукой, затянутой в лайковую перчатку: проводит указательным пальцем по шее. Значит ли это, что он выступает за приведение в исполнение смертного приговора? Или таким образом он напоминает порфиросноному родственнику, что именно от его решения зависит судьба женщины, совершившей полторы дюжины убийств? Никто не может знать, о чем переговариваются Мишель-Оноре, Елена Павловна и Кирилл Павлович. Шарлотта-Агнес безучастно взирает на людскую толпу:

создается впечатление, что она возносит к богу молитву!

Тем временем карета достигает площади у собора, до моих ушей доносится стук колес по неровной булыжной мостовой. Слышны исступленные крики:

– Убийца, убийца, убийца!

Однако большая часть собравшихся молчит и в ужасе следит за прибытием смертницы. Бертранцы, как свидетельствуют мои наблюдения, народ вовсе не кровожадный, и если публичное усекновение головы кому-то и доставляет наслаждение, то таких считанные единицы.

Карета замирает, двое дюжих жандармов распахивают забранную металлической решеткой дверцу, и появляется та, ради которой и собрались все эти тысячи зрителей.

Маркиза де Вальтруа являет собой воплощение совершеннейшей невинности. Вашему покорному слуге понятно, почему ей эти долгие годы удавалось не возбуждать подозрений и находить все новых и новых кандидатов в мужья, затем без малейших колебаний ею же и отравленных.

Мари-Маргарита облачена в простое белое платье и черный чепец. Мне неизвестно, кто изобрел подобный наряд для приговоренных к смерти, он больше похож на праздничное одеяние крестьян. Призван ли белый цвет символизировать очищение души от скверны преступных помыслов или кто-то воспринимает казнь как забаву?

Лицо маркизы выражает сосредоточенность, и, тут я не ошибусь, раскаяние чуждо ей. Мари-Маргарита с легкостью покидает карету и замирает на секунду, всматриваясь в черную громаду эшафота и ажурные балки гильотины.

– Убийца! Поделом тебе! Ведьма! Сдохни, отравительница!

Нестройные мужские голоса, по большей части пьяные, доносятся со всех сторон. Маркиза с гордо поднятой головой шествует к лобному месту. Внезапно в воздухе мелькает что-то черное, и в спину Мари-Маргариты ударяется окоченевший трупик вороны. Маркиза замирает.

Мертвую птицу швырнул в нее молодой человек, похожий на подмастерье, лет восемнадцати: он находится в первом ряду, его красное, лоснящееся от пота лицо выражает высшую степень ненависти.

– Сдохни, отравительница! – кричит он срывающимся на фальцет голосом и потрясает кулаками. – Пусть тебе отрубят голову! Убийца!

Мари-Маргарита, к всеобщему изумлению, подходит к своему хулителю. Жандармы в растерянности, они не знают, как поступить. Молодой человек отшатывается: как и все трусы, он храбр, пока жертва его оскорблений находится на почтительном расстоянии. Маркиза улыбается, а затем ее тонкая ладонь со свистом ударяет по щеке юного поборника смертной казни.

Никто не ожидал подобного исхода дела, голова молодого человека дергается, не удержав равновесия, он оседает на соседей, которые едва успевают подхватить его. Крики смолкают, все потрясены поступком той, чья голова, возможно, всего через несколько минут упадет в корзину с опилками.

Круглое лицо молодого человека наливается багрянцем, он держится за щеку, как будто его пронзила внезапная зубная боль. Он трясет соломенными волосами, неловко поднимается, и площадь снова оглашается его истошным криком:

– Убийца, отравительница, ведьма!

Мари-Маргарита отворачивается от него, и жестом, полным невыносимой брезгливости, вытирает ладонь, которой она ударила юного хама, о белоснежный подол платья. Этот поступок производит еще большее впечатление на толпу, чем пощечина. Маркиза недвусмысленно показывает всем, каково ее мнение о беснующихся зрителях.

Молодой человек с пеной у рта продолжает вопить, но его крики не производят того впечатления, на которое он рассчитывал: все видят, что он всего лишь пьяный и невоспитанный мещанин, которого прелестная маркиза только что подвергла прилюдной и постыдной экзекуции.

Великий князь Мишель-Оноре хмурит брови и кусает губы. Кирилл Павлович гортанно смеется и несколько раз ударяет ладонью о ладонь – он аплодирует

смелому поступку маркизы де Вальтрау!

Мари-Маргарита отказывается от помощи жандармов, которые хотят помочь ей при подъеме по крутой лестнице, ведущей на эшафот. Она подбирает полы платья, и всем становится видно, что ее тонкие ножки обуты в грубые деревянные башмаки. С непередаваемым изяществом маркиза взбегает (!) ввысь, как будто торопится навстречу собственной смерти: я чувствую, что кровь ударяет мне в лицо – впечатление такое, словно мы находимся не на публичной казни, а в великокняжеском дворце на балу, и приговоренная к гильотине поднимается не по шатающейся лестнице в белом наряде смертницы, а летит по мраморным ступеням в бальном платье, боясь опоздать к котильону. Наверное, когда-то именно так поднималась по лестнице эшафота королева Мария-Антуанетта, прекрасно понимая, что часы отсчитывают последние секунды ее бренного существования.

Маркиза оказывается на эшафоте, и тут самообладание впервые изменяет ей. В непосредственной близости от нее возвышается «старая дама»: на самом деле эта гильотина изготовлена специально для казни Мари-Маргариты де Вальтрау и ее сообщника Жана Лареми, и ее острый нож до сих пор не заливала кровь ни одной жертвы.

Мари-Маргарита бледнеет и чуть заметно пошатывается, а по толпе пролетает стон – я уверен, что почти все сочувствуют прелестной отравительнице и разделяют ее ужас. К маркизе подходит палач – высоченный мужчина, облаченный в темный костюм. Его лицо не закрывает колпак или маска с прорезями для глаз, но это только усиливает контраст между его ordinарной внешностью и той ролью, которую ему предстоит сыграть в судьбе несчастной маркизы.

Палач – мужчина лет пятидесяти с длинными седыми волосами и костистым бледным лицом, является выходцем из семьи, которая на протяжении многих столетий занималась тем, что приводила в исполнение смертные приговоры и помогала грешникам уйти в мир иной. У его предков было куда больше работы: они усердно рубили головы, заливали в глотку раскаленный свинец, сдирали кожу, вешали, колесовали, четвертовали, опускали в котел с кипящим маслом, сажали на кол и возводили на костер своих жертв.

Нынешнему палачу приходится всего дважды в год приводить в действие гильотину: столь современное средство лишения жизни людей применяется в

Великом княжестве Бертранском чуть больше ста лет, с начала прошлого века, когда войска революционной Франции под предводительством генерала Бонапарта заняли страну, ликвидировали монархию и заменили старинные способы казни гильотиной. Через несколько лет генерал Бонапарт превратился в императора Наполеона, и вместо отправленных в изгнание Гримбургов трон княжества занял один из его многочисленных родственников. После окончательного поражения тирана великокняжеская династия вернулась из английской ссылки, упразднила почти все нововведения узурпатора, однако не тронула гильотину, сочтя ее вполне приемлемой для наказания нераскаявшихся разбойников.

Маркиза отбегает в сторону, палач следует за ней. Мы становимся свидетелем ужасной игры в «кошки-мышки»: жертва убегает от палача, понимая, что обречена. Мари-Маргарита оказывается в руках палача, и тот указывает ей на низкую табуретку на краю эшафота. Маркиза покорно опускается на нее.

Она будет казнена после Жана Лареми. Тем временем появляется и вторая карета, которая доставляет ее сообщника и многолетнего любовника. Лареми ведет себя на редкость малодушно, когда дверца кареты распахивается, он не желает выходить наружу. Двум жандармам приходится силой вытаскивать его на свет божий.

За три месяца судебного разбирательства он превратился из тридцатилетнего красавца в длиннородого старика с сумасшедшим взглядом. Жан облачен в белый костюм, на голове черная косынка, которая делает его похожим на сказочного пирата.

Лареми отчаянно сопротивляется, ему удается укусить одного из жандармов, и тот на секунду отпускает его. Пользуясь этим, Жан пытается бежать, но куда он может скрыться? На площади не менее двух сотен полицейских, практически все, кто охраняет незыблемость бертранских законов и осуществление правосудия.

Толпа улюлюкает и хохочет, Лареми не вызывает у нее ни сочувствия, ни уважения. Несчастный, как затравленная собака, мечется по коридору, оцепленному полицейскими, его со всех сторон окружают. Жан что-то нечленораздельно кричит, падает на колени и начинает выть. Эта сцена заставляет кровь заледенеть в жилах – человек не может издавать такие звуки, это вопли животного!

Жандармы хватают Лареми и волокут его к эшафоту. Он не желает идти самостоятельно, его ноги висят как плети, седая голова с клочковатой бородой болтается, как у куклы, и ваш покорный слуга ловит себя на мысли, что еще немного – и эта голова, как мяч, отлетит в сторону, отделенная от туловища тяжелым ножом «старой дамы».

Лареми снова пытается укусить жандарма, лягается, воет. Его волокут по лестнице вверх и опускают на дощатый пол. Несчастный сжимается в комок и плачет! Его крики разносятся по площади.

Великая княгиня Елена Павловна закрывает уши, Шарлотта-Агнес прижимает к груди молитвенно сложенные руки. Кирилл Павлович усмехается, великий князь Мишель-Оноре отдает краткое распоряжение премьер-министру.

Тем временем к визжащему и утратившему всяческий человеческий облик Жану Лареми подходит палач. Он, как черная цапля, склоняется над беднягой, и тот мгновенно затихает. Палач обладает гипнотическим воздействием на жертву, он рывком ставит на ноги Лареми. Жан беззвучно трясется, и ваш покорный слуга видит, как доски пола под ногами Лареми темнеют и становятся мокрыми: приговоренный от страха не может сдержать естественные рефлексy.

Премьер-министр машет большим черным платком, это сигнал для палача, что великий князь отклоняет помилование. Будь платок белым, это бы значило, что Лареми получит взамен смертной казни пожизненное заключение. Таков старинный закон, который до сих пор неукоснительно соблюдается в Бертроне, и премьер-министр обязан присутствовать на совершении всех казней и иметь в левом кармане белый, а в правом – черный платок.

Итак, участь любовника и сообщника маркизы де Вальтруа решена. Мари-Мargarита, выпрямив спину, сидит на грубом табурете, как будто на троне перед своими подданными, а не на эшафоте в ожидании казни.

Лареми, прекрасно осведомленный, что означает взмах черным платком, падает на колени. Палач хватает его под мышки и волочет к гильотине. Лареми не сопротивляется, он знает, что это не принесет избавления.

Палач обращается с ним как с ребенком. Говорят, что в семействе палача наперечет знают всех несчастных, которые приняли смерть из его рук в течение многих лет. Жан Лареми тоже войдет в фамильную летопись.

Осужденного укрепляют на особой доске при помощи кожаных ремней. Видно, что Лареми трясется от страха. Палач подходит к гильотине и ставит напротив нее плетеную корзину с опилками. К казни все готово.

Часы показывают одиннадцать часов пятьдесят минут. Толпа стихает. Палач обводит собравшихся взглядом. Великий князь Мишель-Оноре отворачивается, его примеру следуют Мария Павловна и Шарлотта-Агнес. Кирилл Павлович, все еще улыбаясь, фыркает.

Молниеносным движением руки палач приводит в движение челюсть гильотины, и за долю секунды косою металлический нож падает вниз. Голова, как по волшебству, отскакивает от туловища и попадает точно в корзину. Крови на удивление немного, только лезвие окрасилось в багровые тона.

Толпа снова начинает вопить, приветствуя казнь. Палач сноровистыми движениями отстегивает тело, жандармы помогают ему отнести обезглавленного Лареми к телеге, которая стоит около эшафота, туда же ставят и корзину с головой и накрывают все это рогожей.

Мари-Маргарита поднимается. Всем своим видом она выказывает нетерпение, как будто торопится умереть. Маркиза смеется! Невероятно, но это так! Жандармы в спешном порядке забрасывают песком пятна крови, а палач протирает лезвие и отводит рычаг – нож медленно поднимается вверх.

Каким будет решение великого князя? Елена Павловна что-то говорит мужу, а затем прикасается к его локтю, словно пытаясь убедить его в собственной правоте. Сестра Мишеля-Оноре, Шарлотта-Агнес, едва ли не плачет. А Кирилл Павлович роняет несколько слов и небрежным жестом указывает куда-то вдаль.

Следуя его жесту, я вижу женщину, около которой стоит маленькая девочка в коричневом платице и чепчике. На руках женщина держит младенца. По постановлению суда дочери маркизы, Маргарита четырех с половиной лет и Мари восьми месяцев, присутствуют при экзекуции. Дети толком не понимают, что происходит: Мари вертит головой и пускает пузыри, Маргарита,

нахохлившись, смотрит в землю. Она, конечно, не имеет представления, что такое смертная казнь, но всеобщая атмосфера животной ненависти и садистского наслаждения не оставляет старшую девочку равнодушной.

Мари-Маргарита оборачивается и смотрит на дочерей. Затем переводит взгляд на великокняжескую ложу. Мишель-Оноре II на секунду встречается с маркизой взором – и боязливо отводит глаза, как будто не она, а он является приговоренным к смерти.

До вашего покорного слуги доносится французская речь – Гримбурги и Романовы никак не могут прийти к единому мнению относительно судьбы маркизы де Вальтруа. Великий князь Бертранский запрокидывает голову и закрывает глаза, подзывая слабым движением руки премьер-министра.

Все следят за Мишелем-Оноре, пытаюсь понять, что же он только что сказал: «Казнить» или «Помиловать»? Глава кабинета министров судорожно глотает и поднимает руку.

Белый платок! Великий князь проявил сострадание и решил, что одной смерти достаточно – хотя, будем честны, Лареми, только что потерявший голову под ножом гильотины, виноват несоизмеримо меньше, чем помилованная маркиза де Вальтруа. И тем не менее ей дарована жизнь!

Мари-Маргарита вздыхает, ее плечи опускаются, видно, что маркиза, внешне столь собранная, поражена благородным решением великого князя и до чрезвычайности рада тому, что она останется в живых.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Французская аристократка (1630—1676), отравившая ради наследства мужа, отца, двух братьев и сестру и еще не менее пары десятков человек; была обезглавлена в правление Людовика XIV.

2

Да почиет в мире! (лат.)

3

Счастлива с малышом Томом (англ.).

Купить: https://tellnovel.me/ru/leont-ev_anton/demony-zimnih-nochey

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)